MD10 519

MD10 519

Ю. В. Татищевъ.

ДѢЯТЕЛИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Историко-Родословное Общество въ Москвѣ.

ИСТОРИКО-РОДОСЛОВНОЕ ОБЩЕСТВО В МОСКВЕ 1905

Извлечено изъ 1-го выпуска Лѣтописи.

130/

Москва.
Т—во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т—ва, № 9.
1905.

МД10 519

Ю. В. Татищевъ.

ДѢЯТЕЛИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Историко-Родословное Общество въ Москвѣ.

Извлечено изъ 1-го выпуска Лѣтописи.

130/

Москва.
Т—во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т—ва, № 9.
1905.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
965323

Дозволено цензурою: Москва, 16-го марта 1905 г.

I.

МИХАИЛЪ ИГНАТЬЕВИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

Дѣятели смутнаго времени.

I. Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ.

I.

Подробный библіографическій обзоръ всего того, что написано и напечатано о смутномъ времени московскаго государства (если бы, замѣтимъ въ скобкахъ, къ счастію для русской исторической науки такой полный обзоръ существовалъ) составилъ бы объемистый томъ; указанная эпоха всегда привлекала къ себѣ особенное вниманіе всѣхъ русскихъ исторіографовъ и большей части историковъ: начиная съ Татищева и кн. Щербатова и кончая нашими днями, мы не встрѣтимъ почти ни одного изъ нихъ, кто бы ни старался такъ или иначе освѣтить ея событія, дать имъ ту или другую оцѣнку. Это отнюдь не удивительно: обширность матеріала и тѣмъ не менѣе, а можетъ быть и благодаря этому, наличность страшной путаницы и противорѣчій извѣстій, сбивчивость мнѣній, неясность политическихъ взглядовъ и загадочность ролей современныхъ дѣятелей, вотъ тѣ трудности, преодолѣть которыя соблазняло многихъ ученыхъ, напрягавшихъ всѣ свои силы и все свое остроуміе, въ стараніяхъ разгадать и разъяснить истинное значеніе событій взятой эпохи и дать имъ по своему крайнему разумѣнію правильное освѣщеніе. Да и помимо всего этого эпоха страшнаго и, казалось бы, безповоротнаго разрушенія того желѣзнаго государственнаго строя, надъ созданіемъ котораго вѣками трудилась цѣлая династія, эпоха, когда государство, истерзанное и внутренними и внѣшними врагами и даже людьми, искренно желавшими ему блага, но понимавшими это благо слишкомъ по своему, ожидало или конечной гибели или сверхъестественнаго спасенія, которое и пришло къ нему, родившись изъ воскреснувшаго и отрезвившагося національнаго чувства народа, эпоха— судный день московскаго государства, какъ въ зеркалѣ показавшій

все лучшее и все худшее русской государственной жизни,—такая эпоха, повторяю, не можетъ не останавливать на себѣ самого исключительнаго вниманія.

Несомнѣнно одинъ внѣшній толчокъ не могъ вызвать такой потрясающей болѣзни всего государственнаго организма; болѣзнетворный процессъ медленнымъ, но вѣрнымъ ходомъ долго подготовлялъ ее,—такимъ процессомъ слѣдуетъ признать соціальныя и экономическія условія жизни русскаго народа, которыя созидались и опутывали его вмѣстѣ съ ростомъ государства; но считая ихъ единственными факторами смуты, мы рискуемъ вдаться въ очень опасную односторонность. Кромѣ механическихъ условій смуту создали и люди, отрицать это-значило бы, перефразируя поговорку,—изъ-за лѣса не видѣть деревьевъ. Отсюда прямой выводъ, что слѣдуетъ помимо изученія тѣхъ условій, которыя толкнули въ смуту русскій народъ, изучить и тѣхъ лицъ, которыя ее создали или, по крайней мѣрѣ, имѣли вліяніе на ходъ и направленіе государственной жизни за разсматриваемую эпоху. Вмѣстѣ съ представленіемъ о смутномъ времени въ головѣ каждаго, не только средняго читателя, возникаютъ яркіе образы Годунова, кн. Василія Шуйскаго, Ѳедора Романова, названнаго Димитрія и др., заслоняющіе своимъ центральнымъ положеніемъ фигуры второстепенныхъ дѣятелей, которые однако по своему „дѣйствовали“ и роль которыхъ, если обслѣдовать ее тщательно, можетъ оказаться не менѣе любопытной и поучительной, чѣмъ роли первостепенныхъ дѣятелей: достаточно вспомнить хотя бы такихъ интересныхъ лицъ, каковы напримѣръ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, или Богданъ Бѣльскій, или младшіе Никитичи Романовы и Ивановичи Шуйскіе.

Изложенію біографическихъ данныхъ, относящихся къ одному изъ дѣятелей этой эпохи, Михаилу Игнатьевичу Татищеву, и возможному выясненію роли, которую ему пришлось играть въ событіяхъ своего времени и посвящается предлагаемый очеркъ.

На долю Татищева выпала странная участь: историки наши касались его лишь по стольку, по скольку являлась въ томъ крайняя необходимость; поясняя нашу мысль, скажемъ, что во всѣхъ изслѣдованіяхъ о смутномъ времени онъ появляется, какъ случайный элементъ, въ отдѣльныхъ эпизодахъ, какъ напримѣръ, ссора его съ названнымъ Димитріемъ, убійство имъ Басманова, убійство его разъяренной толпой и т. п., такъ что въ сущности роль его, если вѣрить тому, что о немъ напечатано, такъ же случайна какъ хотя-бы роль Валуева и Воейкова. Однако если присмотрѣться къ его дѣятельности ближе, то даже на основаніи тѣхъ отрывочныхъ и скудныхъ свѣдѣній, которыя даютъ о немъ источ-

ники, мы увидимъ, что дѣло обстоитъ далеко не такъ: роль Татищева, если и не кидалась въ глаза и не заставляла черезчуръ громко говорить о немъ, все же была несравненно болѣе значительна, чѣмъ можно было бы думать о ней. Достаточно указать на то обстоятельство, что такой вдумчивый, хорошо освѣдомленный и добросовѣстный авторъ-современникъ своей эпохи и очевидецъ ея событій, какъ дьякъ Иванъ Тимофеевъ, всецѣло ему приписываетъ такое крупное событіе, какъ восшествіе на московскій престолъ Василія Шуйскаго.

Родъ Татищевыхъ, ведущій свое происхожденіе отъ Рюрика черезъ князей смоленскаго удѣла, принадлежалъ къ числу „честныхъ", но не „большихъ" родовъ московскаго государства, послѣднее обстоятельство въ связи съ лишеніемъ княжескаго титула проистекало изъ того, что родоначальникъ Татищевыхъ Василій Юрьевичъ Татища(е), лицо несомнѣнно историческое *), а можетъ быть и еще отецъ его, пріѣхалъ въ Москву съ мелкаго Брянскаго удѣла, какъ извѣстно, отдѣлившагося отъ Смоленскаго княжества и впослѣдствіи присоединеннаго Литвою къ себѣ; весьма вѣроятно также, что ранѣе онъ служилъ удѣльному дмитровскому князю Петру Димитріевичу и слѣдовательно не могъ уже занять высокаго положенія на іерархической лѣстницѣ московскаго боярства, насчитывавшаго въ своихъ родословныхъ древахъ уже нѣсколько поколѣній слугъ только московскаго великаго князя. Потомки Василія Юрьевича продолжали занимать мѣсто людей, не бывавшихъ въ честяхъ, но родословныхъ и исполняли разныя почетныя порученія: такъ Матвѣй Ѳедоровичъ Татищевъ возилъ подарки отъ Іоанна III къ его невѣстѣ Зоѣ Палеологъ **), Иванъ Кекса Ивановичъ Татищевъ былъ ясельничимъ кн. Владиміра Андреевича старицкаго; переселенные Іоанномъ III изъ Дмитрова, гдѣ изстари были ихъ родовыя вотчины, въ Новгородъ послѣ его взятія, Иванъ Ѳедоровичъ и Дмитрій Семеновичъ Татищевы получили тамъ весьма крупныя земельныя владѣнія, самый размѣръ которыхъ заставляетъ предполагать извѣстное значеніе пожалованныхъ ***). Отецъ Михаила Игнатьевича, Игнатій Петровичъ, третій изъ четырехъ сыновей Петра Григорьевича Татищева, правнука родоначальника—первый выдвинулся изъ рядовыхъ дѣтей боярскихъ;

*) Существованіе его доказывается его подписью на купчей, относящейся вѣроятно къ концу XIV или началу XV в.в., въ качествѣ послуха. Документъ этотъ сохранился въ грамотной книгѣ Тр.-Сергіева монастыря (архивъ м. ю. гр. кол. эконом. № 281/3993 грамота 29 по Дмитрову).

**) С. С. Татищевъ. Род. Татищевыхъ, стр. 2.

***) Ibid. стр. 3,5.

по разрядамъ и другимъ сохранившимся документамъ можно прослѣдить довольно послѣдовательно всю его служебную жизнь, богатую разнообразіемъ, какъ жизнь всякого русскаго служилаго человѣка тѣхъ временъ: сегодняшній полковой воевода завтра превращался въ инженеры и отправлялся строить засѣки и ставить города, затѣмъ по царскому указу въ немъ открывались дипломатическіе таланты, и онъ ходилъ въ отвѣтѣ съ иноземными послами или самъ отправлялся въ посольство; въ награду ему предоставлялось проявлять свои административныя способности, сидя воеводой на годованьи въ одномъ изъ московскихъ городовъ, при чемъ въ свободные промежутки онъ сидѣлъ въ государевой думѣ и рѣшалъ государственныя дѣла. Не представляла исключенія изъ общаго правила и карьера Игнатія Петровича: въ первый разъ мы встрѣчаемъ его въ 1555 году поддатнымъ рындой у государева письменнаго саадака, т. е. въ государевой походной канцелярій въ походѣ Грознаго къ Серпухову и далѣе къ Тулѣ противъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея; походъ этотъ, какъ извѣстно, окончился поспѣшнымъ отступленіемъ хана изъ русскихъ предѣловъ, несмотря на счастливый для него бой на Судьбищахъ. Должность рынды и уменьшительное имя (Игнаша), съ которымъ Татищевъ упоминается *), указываетъ на его молодой возрастъ, а изъ того, что онъ находился при государевой канцеляріи, мы въ правѣ сдѣлать выводъ о его грамотности и можетъ быть о его извѣстныхъ способностяхъ. Черезъ 20 лѣтъ мы видимъ Игнатія Петровича уже воеводой въ ливонскихъ, польскихъ и шведскихъ походахъ въ сторожевомъ, передовомъ и даже въ большомъ полку, что указываетъ на то, что онъ выдвинулся далеко впередъ по служебной лѣстницѣ; въ 1580 году (годъ свадьбы Грознаго съ Маріей Ѳедоровной Нагой) онъ былъ сказанъ думнымъ дворяниномъ. Мы далеки отъ мысли изложить всѣ его службы,—одна дипломатическая его дѣятельность можетъ служить предметомъ особой монографіи, послужной его списокъ приведенъ въ неоднократно цитируемой нами книгѣ С. С. Татищева. При царѣ Борисѣ онъ былъ назначенъ казначеемъ большой государевой казны и умеръ, принявъ постриженіе съ именемъ Іоасафа, надо полагать въ началѣ XVII вѣка **). Человѣкъ онъ былъ, надо думать кру-

*) Чт. о. и. и др. рос. 1902 г. I стр. 182.

**) Кн. П. Долгоруковъ (Р. Р. К. II стр. 224) указываетъ на 1604 г., какъ на годъ смерти его; ту-же дату повторяетъ С. С. Татищевъ (Родъ Татищевыхъ стр. 10, 340), основываясь на синодикѣ новг. Софійскаго собора, хранящемся въ библіотекѣ петерб. дух. академіи подъ № 1549. Къ сожалѣнію намъ не пришлось пользоваться этимъ важнымъ документомъ, такъ что для насъ остается

той и рѣзкій: такъ въ 1601 году онъ былъ назначенъ въ числѣ другихъ членовъ думы вести переговоры съ польскимъ посломъ Львомъ Сапѣгою. Во время этихъ переговоровъ онъ такъ горячо принималъ къ сердцу московскіе интересы и такъ ожесточенно защищалъ ихъ, что его пришлось вывести изъ палаты засѣданія, и по челобитью оскорбленнаго Сапѣги ему было не велѣно принимать участіе въ дальнѣйшихъ переговорахъ.

Изъ четырехъ сыновей Игнатія Петровича отъ брака его съ Аграфеной Никифоровной Вышеславцовой, дочерью Никифора Ѳедоровича Вышеславцова, упоминаемаго въ извѣстной тысячной книгѣ *), Михаилъ Игнатьевичъ былъ старшимъ и самымъ блестящимъ. Годъ рожденія его, конечно, неизвѣстенъ, первое упоминаніе о немъ относится къ 1580 году—мы видимъ его въ числѣ участниковъ свадебнаго торжества Іоанна съ Маріей Нагой. Остановимся немного на этой датѣ, весьма возможно, что этотъ годъ очень важенъ для исторіи рода Татищевыхъ вообще и Игнатьевичей Татищевыхъ въ частности: въ русской исторической литературѣ существуетъ гипотеза, впервые высказанная гр. С. Д. Шереметевымъ,—не былъ ли Игнатій Петровичъ Татищевъ дѣдомъ по матери царицы Маріи Ѳедоровны Нагой или иначе, не была ли матерью царицы неизвѣстная по имени дочь Игнатія Петровича Татищева. Предположеніе это основывается вѣроятно на одномъ мѣстѣ соборнаго посланія русскихъ владыкъ къ кн. Вас. Конст. Острожскому, датированнаго іюнемъ 1606 года, которое гласитъ: „и мать его (ц-ча Димитрія) царица и великая княгиня, инока Марѳа и нынѣ жива, а братья ея и *дѣдъ Игнатій* и нынѣ служатъ великому государю“... **) Подтвержденіе высказанному предположенію можно видѣть въ томъ, что въ годъ свадьбы царя съ Нагой Игнатій Петровичъ, какъ уже было указано, пожалованъ въ думные дворяне. Съ другой стороны вышеприведенный годъ смерти Игнатія Татищева (1604) лишаетъ эту гипотезу всякого вѣроятія, потому что дѣдъ царицы упоминается живымъ въ 1606 году. За неимѣніемъ точныхъ данныхъ, не высказываясь ни за, ни противъ этой интересной догадки и оставляя подъ сомнѣніемъ показаніе Софійскаго синодика, попробуемъ провѣрить возможность брака Татищевой съ Нагимъ хронологическимъ сравненіемъ съ послѣдующими поколѣніями рода Татищевыхъ.

невыясненнымъ, какимъ образомъ въ синодикъ занесена дата смерти упоминаемаго въ немъ лица, тогда какъ обыкновенно въ синодикахъ такихъ указаній не встрѣчается.

*) Вышеславцевы, родословіе. Литогр. изд. послѣ 1889 г. стр. 3. За сообщеніе этого свѣденія приношу глубокую благодарность Л. М. Савелову.

**) Изв. Рус. Ген. об. Вып. I отд. V стр. 1.

Игнатій Петровичъ Татищевъ 1555—1606 гг.?

Юрій 2 сынъ, 1598 г., † 1628 г.	Агафія за кн. Ив. Никит. большимъ Одоевскимъ † 1628 г.	N. за Θед. Θед. Нагимъ 1564—1591 гг.
Михаилъ боярин р. 1620 † 1701 г.		Царица Марія Θедоровна † 1612 г.
Данило 2-ой сынъ р. 1660 г.		Царевичъ Дмитрій р. 1583 г.

Если даже допустить, что сестра была значительно старше своего брата Юрія, то все же на первый взглядъ не можетъ не казаться страннымъ то обстоятельство, что троюродный братъ царевича Данило Михаиловичъ Татищевъ моложе его на 77 лѣтъ; справедливость требуетъ замѣтить однако, что несообразность эта мнимая: Михаилъ Юрьевичъ родился черезъ 22 года послѣ того, какъ отецъ его въ первый разъ упоминается въ актахъ, человѣкомъ, вѣроятно уже достаточно зрѣлымъ (упоминаніе это относится къ 1598 году—подпись его на грамотѣ объ избраніи царя Бориса на царство), а Данило Михаиловичъ родился, когда отцу его было 40 лѣтъ, если же ко всему этому мы вспомнимъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ въ русскомъ обществѣ дѣвушка въ 18—19 лѣтъ считалась уже чуть не перестаркомъ, то придется вывести, что ничего невѣроятнаго въ себѣ эта таблица не заключаетъ, и вообще по справедливому замѣчанію проф. Н. П. Лихачева, жизнь не справляется съ генеалогическими нормами ученыхъ изслѣдователей *).

Такъ или иначе, благодаря ли свойству съ царскимъ домомъ или своимъ личнымъ способностямъ и заслугамъ Михаилъ Игнатьевичъ быстро выдвинулся впередъ и сталъ виднымъ дѣятелемъ своего времени. Сохранились отрывочныя извѣстія, рисующія намъ его нравственный и внѣшній обликъ: одинъ изъ самыхъ любознательныхъ авторовъ, современниковъ той эпохи, неутомимый собиратель придворныхъ сплетень и толковъ Исаакъ Масса, вѣроятно видавшій, а можетъ быть и лично знававшій Татищева, называетъ его *очень образованнымъ* и красивымъ человѣкомъ; въ другомъ мѣстѣ онъ отзывается объ немъ, какъ объ умномъ и благочестивомъ человѣкѣ **); авторъ сказанія о Гришкѣ Отрепьевѣ, лицо несомнѣнно расположенное къ Шуйскимъ, называетъ Татищева

*) Изв. Р. Ген. Об. I отд. 1, стр. 95.

**) Сказ. Массы и Геркмана. Изд. арх. ком. стр. 88, 98.

добрымъ по православію поборникомъ *). Болѣе чѣмъ рѣзко отличается отъ этихъ отзывовъ отзывъ о Михаилѣ Игнатьевичѣ дьяка Ивана Тимофеева, оставившаго намъ свой любопытнѣйшій временникъ. Авторъ не находитъ достаточно бранныхъ словъ, чтобы охарактеризовать ненавистную повидимому ему личность Татищева, на своемъ вычурномъ языкѣ онъ называетъ его волкохищнымъ лжесилентіяромъ (?!), нововведеннымъ въ чинъ синклитства (т. е. въ окольничьи) не по заслугамъ и противъ всякихъ правилъ, худороднымъ по всему Михалкомъ etc. etc.; возвращаясь къ Татищеву въ своемъ повѣтствованіи еще разъ, Тимофеевъ такъ и сыплетъ по его адресу эпитетами: „прелукавъ“, „злохитръ“, „василискъ“ и т. п. **). Такое обиліе малолестныхъ прозвищъ заставляетъ усумниться въ безпристрастіи Тимофеева и искать причину его нерасположенія къ Татищеву въ ихъ личныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что они оба одновременно принадлежали къ новгородской администраціи. Въ ослѣпленіи ненависти Тимофеевъ допускаетъ въ своихъ рѣчахъ о Татищевѣ явныя натяжки: можно, конечно, имѣть свой личный взглядъ на нравственныя качества Михаила Игнатьевича, но назвать его нововводнымъ въ чинъ синклитства (очевидный намекъ на санъ окольничаго) нельзя уже потому, что еще отецъ его принадлежалъ въ тому же самому синклитству въ санѣ думнаго дворянина. Упрекъ въ худородствѣ уже совершенно не заслуживаетъ вниманія; въ этомъ отношеніи интересно то мѣсто временника, гдѣ Тимофеевъ пытается доказать не только недостоинство Татищева, но и всю несообразность для него такого высокаго чина:—никто изъ худородныхъ у нашихъ истинныхъ и природныхъ царей, говоритъ онъ, до сихъ поръ не удостаивался такой чести; наши цари знали раньше какимъ родамъ воздавать какую честь и по какимъ заслугамъ, а худороднымъ никогда ничего подобнаго не давалось.—Авторъ забываетъ объ Алексѣѣ Адашевѣ, происходившемъ изъ мелкихъ костромскихъ вотчинниковъ Ольговыхъ, стоявшемъ по происхожденію неизмѣримо ниже Татищева, и про котораго самъ царь Иванъ говорилъ, что онъ взятъ имъ съ гноища ***).

Карьера Михаила Игнатьевича надо думать началась и несомнѣнно продолжалась подъ покровительствомъ Бориса Годунова. Вѣроятно симпатіи ихъ другъ къ другу были искренны: умный Годуновъ, въ своихъ политическихъ и соціальныхъ взгля-

*) Рус. Ист. Библ. XIII, 740.
**) Ibid. стр. 389, 392, 420 и сл.
***) Сказаніе кн. Курбскаго. Изд. 2 стр. 187.

дахъ и убѣжденіяхъ далеко опередившій своихъ современниковъ, оцѣнилъ недюжинную личность Татищева; если вспомнить, что современникъ иностранецъ отзывается о немъ, какъ объ умномъ и очень образованномъ, что косвенно подтверждается дошедшими до насъ свѣденіями о его книжномъ собраніи, то мы легко поймемъ, чѣмъ молодой царедворецъ могъ обратить на себя вниманіе Годунова. Что привлекало Татищева къ нему—естественная ли выгода близости къ самому могущественному лицу въ государствѣ или какія-либо болѣе платоническія соображенія,—это не такъ важно,—остается фактомъ то, что иностранецъ Масса и русскій служилый человѣкъ Хрущовъ единогласно называютъ его любимцемъ Годунова *). То же утверждаетъ и Иванъ Тимофеевъ, намекая на „богопротивное ему (т. е. Годунову) нѣкое тайнослуженія угожденіе“ со стороны Татищева **), за которое будто бы онъ и былъ „не свойственнѣ, ниже достойнѣ“ введенъ въ чинъ синклитства. Намекъ этотъ былъ бы очень цѣненъ и интересенъ, если бы мы не знали предубѣжденнаго отношенія Тимофеева къ Татищеву и того обстоятельства, что Борисъ, вступивъ на престолъ, щедро осыпалъ милостями и друзей своихъ и недруговъ ***). Впрочемъ показаніе Тимофеева можно повѣрить послужнымъ спискамъ Татищева: 1 августа 1598 года онъ въ чинѣ ясельничаго, который получилъ еще въ 1596 году, подписалъ грамоту объ избраніи на царство Бориса Годунова, а въ началѣ 1599 года былъ отправленъ царемъ въ Польшу посломъ въ санѣ думнаго дворянина съ титуломъ намѣстника можайскаго ****). Такимъ образомъ мы видимъ дѣйствительно, что въ „синклитство“ онъ введенъ тотчасъ по воцареніи Годунова, что невольно наводитъ на мысль о какихъ-либо услугахъ, оказанныхъ Борису Татищевымъ. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ судить о томъ, насколько эти услуги были „богопротивны“, можно думать, что Татищевъ былъ въ числѣ дѣятельныхъ агитаторовъ въ пользу кандидатуры Годунова, за что и былъ имъ награжденъ; весьма любопытно, но врядъ ли возможно выяснить вполнѣ точно и опредѣленно, что это было за „тайнослуженіе“ Татищева; это обстоятельство, надо полагать, освѣтило бы кое-что въ исторіи восшествія на престолъ

*) Собр. гос. гр. и дог. II 177.

**) Р. И. Б. XIII. 389.

***) Костомаровъ. Смутное время I. 40.

****) С. С. Татищевъ. Родъ Татищевыхъ, стр. 17. Я отношу посольство М. И. къ 1599 году, такъ какъ 20 января 1599 года послу имп. Рудольфа II-го Михаилу Шиле въ Москвѣ говорили объ этомъ посольствѣ, какъ о имѣющемъ быть отправленнымъ. (Донесеніе Шиле изд. о. и. и др. р. 1875 г. стр. 9).

Годунова и въ біографіи Татищева, имя котораго И. Тимофеевъ связываетъ съ исторіей двухъ воцареній.

Какъ было указано выше, по вступленіи своемъ на престолъ Годуновъ между 20 января и 26 мая 1599 года отправилъ Татищева съ титуломъ намѣстника можайскаго посломъ въ Польшу къ кор. Сигизмунду съ извѣщеніемъ о кончинѣ царя Ѳеодора и о вступленіи своемъ на престолъ. Къ сожалѣнію документы этого посольства не дошли до насъ, но на то, что оно имѣло мѣсто, указываютъ цитированное уже нами донесеніе Шиле, статейный списокъ посольства думнаго дьяка А. Власьева, отправленнаго ц. Борисомъ къ имп. Рудольфу I-му въ іюнѣ 1599 г. послѣ возвращенія Татищева изъ Кракова *), и наказъ, данный Сигизмундомъ Льву Сапѣгѣ, бывшему посломъ при московскомъ дворѣ въ 1600 г. **). Кромѣ извѣщенія о перемѣнѣ династіи Татищевъ долженъ былъ протестовать противъ того, что московскіе послы къ имп. Рудольфу упорно не пропускались черезъ польскія земли и требовать пропуска для Власьева и, какъ увѣрялъ Власьевъ въ Вѣнѣ, на него же было возложено порученіе выхлопотать разрѣшеніе итти московскимъ войскамъ на Крымъ воднымъ путемъ по Днѣпру. Посольство Татищева успѣха не имѣло, и ни одно требованіе царя Бориса не было исполнено польскимъ правительствомъ, но несмотря на неудачу царь, кажется, не усомнился въ дипломатическихъ способностяхъ Михаила Игнатьевича и, когда въ 1600 году въ Москву прибылъ польскій посолъ Левъ Сапѣга для принесенія поздравленія царю Борису со вступленіемъ на престолъ и для заключенія вѣчнаго мира, Татищевъ былъ назначенъ въ комиссію изъ членовъ Думы, которая должна была выслушать и обсудить требованія Польши и выработать вмѣстѣ съ ея посломъ условія вѣчнаго мира. Сапѣга былъ принятъ въ Москвѣ мало любезно,—какъ извѣстно онъ не достигъ своей цѣли и, истомленный безконечной московской волокитой, добился едва перемирія на 20 лѣтъ.

Если не считать кратковременнаго отправленія въ Польшу, то, кажется, въ продолженіе 6 лѣтъ съ самаго вступленія на престолъ Годунова Татищевъ безотлучно находился при особѣ царя и въ думѣ, по крайней мѣрѣ, ни одинъ торжественный пріемъ при дворѣ безъ него не обходился: такъ въ августѣ 1599 года онъ выѣзжалъ въ село Всехсвятское навстрѣчу жениху царской дочери шведскому королевичу Густаву съ возкомъ и лошадьми

*) Пам. дипл. сн. съ Австріей II, 694, 705, 706.

**) Сборникъ кн. Оболенскаго № 7.

для его свиты, а 19 сентября 1602 года въ день торжественнаго въѣзда въ Москву другого жениха Ксеніи, герцога датскаго Іоанна, Татищевъ былъ высланъ ему навстрѣчу за нѣсколько верстъ отъ Москвы съ царскимъ подаркомъ—аргамакомъ въ богатомъ уборѣ, украшенномъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями *).

Въ 1604 году Татищевъ выступаетъ на сцену въ очень любопытной на этотъ разъ роли. Для полнаго выясненія его дальнѣйшей дѣятельности, къ изложенію которой мы намѣреваемся приступить, намъ придется нѣсколько вернуться назадъ.

Въ 1586 году царь Грузіи Александръ, истомленный непосильной борьбой со своими сосѣдями Турціей и Персіей за независимость своей маленькой державы, и сознавая полную невозможность ея самостоятельности, билъ челомъ царю Ѳедору Ивановичу на томъ, что онъ, самъ своею головою и со всею своею землею подъ кровъ царствія... и подъ царскую руку радъ поддаться". Царь Ѳеодоръ „для крестьянскія вѣры" царя Александра принялъ Грузію подъ свою высокую руку и обѣщалъ ей „оборонь" отъ невѣрныхъ; немедленно страна была приведена къ присягѣ и обложена данью; со своей стороны московское правительство выстроило на р. Терекѣ городъ Терку, какъ базисъ для своихъ дальнѣйшихъ операцій и въ 1593 году отправило на помощь Грузіи военную экспедицію подъ командованіемъ кн. Андрея Ив. Хворостинина, которая впрочемъ потерпѣла пораженіе отъ дагестанскихъ племенъ, успѣвъ однако поставить еще городъ на р. Койсу **). Съ тѣхъ поръ завязались оживленныя сношенія съ Грузіей: почти ежегодно московское правительство обмѣнивалось посольствами съ грузинскимъ, смыслъ этихъ переговоровъ съ легкими варіаціями былъ одинъ и тотъ же: Александръ униженно просилъ заступничества и помощи, Москва, видя, что Грузіи уйти отъ нея некуда и помня неудачу кн. Хворостинина, отдѣлывалась по большей части широковѣщательными обѣщаніями и дипломатическими нотами султану, въ которыхъ указывалось на то обстоятельство, что Грузія—русская провинція, и, тревожа ее, султанъ тревожитъ такимъ образомъ русскія владѣнія. Послѣдній путь—дипломатическій помогалъ очень плохо, и московскія увѣщанія, не подкрѣпляемыя ничѣмъ болѣе внушительнымъ, мало принимались въ расчетъ турецкимъ правительствомъ.

Такая практика знаменитой московской волокиты не могла не раздражить наконецъ ту сторону, которая наиболѣе отъ нея

*) Родъ Татищевыхъ, стр. 17, 18.

**) С. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ I. стр. XCV, CV.

страдала; но какъ и чѣмъ могъ отомстить безсильный царь за такое недобросовѣстное, съ его точки зрѣнія, отношеніе къ нему: для этого у него былъ одинъ лишь путь—излить свое озлобленіе на словахъ, чѣмъ онъ широко и воспользовался, когда въ 1601 году къ нему прибыло московское посольство въ лицѣ Ив. Аѳ. Нащокина и Ив. Леонтьева. Они были отправлены съ тѣмъ, чтобы извѣстить ц. Александра о томъ, что ц. Борисъ принялъ его поздравленія со вступленіемъ на престолъ и „похваляетъ“ за то, что тотъ поскорбѣлъ о кончинѣ ц. Ѳеодора.—„Мы, великій государь, говоритъ черновой проектъ царской грамоты къ ц. Александру, и по се время всегда болѣзнуемъ душею и сердцемъ (о кончинѣ ц. Ѳеодора)..., а тебѣ, царю Александру,... свыше иныхъ государей годится сѣтовать“. Такое нравоученіе впрочемъ даже московскому правительству показалось хватившимъ черезъ край, и въ бѣловой грамотѣ оно было измѣнено слѣдующимъ образомъ: „и наше царское величество въ томъ (т. е. за сочувствіе) тебя, Александра, царя похваляемъ, такъ годится всѣмъ хрестьянскимъ государемъ о такомъ великомъ и преславномъ государѣ скорбѣти и сѣтовати *). Мы не будемъ особенно удивляться этой похвалѣ вмѣсто благодарности, если вспомнимъ, какъ позднѣе ц. Василій Шуйскій не менѣе милостиво похвалилъ шведское правительство за любезное предложеніе помощи въ борьбѣ царя съ Воромъ. Нащокинъ и Леонтьевъ должны были также увѣдомить Александра, что долго жданная имъ вспомогательная рать двигается уже вслѣдъ за ними; надо замѣтить, что увѣдомленіе это было только платоническимъ утѣшеніемъ: никакая рать не шла на помощь Грузіи. Изъ документовъ посольства Нащокина и Леонтьева до насъ дошли только посольскій наказъ и нѣсколько отрывочныхъ отписокъ или донесеній пословъ, сохранившихъ намъ однако нѣсколько любопытныхъ подробностей: изъ одного донесенія мы узнаемъ, что на дорогѣ пословъ захватила на Волгѣ сильная буря, заставившая ихъ растерять почти все, что они везли съ собой, царскія грамоты и подарки были спасены съ большимъ трудомъ.—„А твои, государь, 4 кречета, писали послы объ этомъ происшествіи, далъ Богъ здоровы, и грузинской посолъ совсѣмъ здорово-жъ“ прибавили они въ видѣ второстепенной подробности къ состоянію здоровья царскихъ кречетовъ **).

Послы были приняты царемъ Александромъ сухо: на этотъ разъ онъ не повѣрилъ ихъ обѣщаніямъ, а отправилъ тайно гонца

*) С. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ I. 331.
**) Ibid. стр. 355.

на Терекъ, бывшей нашей границей, разузнать объ обѣщанномъ войскѣ; гонецъ по возвращеніи донесъ, что объ немъ ничего не слышно—это переполнило мѣру терпѣнія Александра, онъ осыпалъ пословъ горькими упреками и, если вѣрить ихъ донесеніямъ, упрекнулъ царя Бориса въ томъ, что онъ затягиваетъ дѣло съ тѣмъ, чтобы получать съ Александра побольше поминокъ: „уже 16 лѣтъ, сказалъ онъ съ чисто восточной картинностью оборотовъ, какъ я ухватился за полу московскаго государя, и никакой еще помощи отъ него не видѣлъ...“ *). Мы замѣтили однако—если вѣрить посламъ—въ томъ смыслѣ, что вообще они описывали свое положеніе въ Грузіи самыми мрачными красками и постоянно жаловались на причиняемое имъ безчестье,—это было въ ихъ интересахъ, чтобы прикрыть свое далеко не безукоризненное поведеніе: ихъ люди били и грабили мѣстныхъ жителей, насиловали ихъ женъ и дочерей, и самъ Леонтьевъ до того увлекся красотой грузинокъ и добивался ихъ благосклонности такими путями, что позднѣе въ Москвѣ по разслѣдованіи онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной однако кнутомъ по ходатайству грузинскаго посла.

Тѣмъ не менѣе неосторожныя слова, вырвавшіяся у измученнаго Александра, больше всѣхъ встрѣвожили его самого, и вслѣдъ за отпущенными въ Москву Нащокинымъ и Леонтьевымъ онъ отправилъ съ объясненіями архимандрита Кирилла и подъячаго Савву. Борисъ въ свою очередь принялъ новыхъ пословъ, какъ того требовало его оскорбленное достоинство,—сурово: около 3-хъ мѣсяцевъ ихъ держали по царскому указу въ Нижнемъ-Новгородѣ и непускали въ Москву, наконецъ, какъ имъ было потомъ объявлено, Борисъ смилостивился надъ ними по ходатайству ц-ча Ѳеодора Борисовича и дозволилъ имъ ѣхать въ Москву видѣть свои царскія очи, но для этого послы должны были ранѣе представить оправданія Александра. Вести съ ними переговоры, т. е. произвести слѣдствіе по донесеніямъ Нащокина и Леонтьева и выслушать оправданія пословъ былъ назначенъ Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ,—„велѣлъ государь, читаемъ мы въ статейномъ спискѣ этихъ переговоровъ, чернецу Кириллу быти въ Посольской Палатѣ у думнаго дворянина и ясельничаго у Михаила Игнатьевича Татищева да у дьяка у Григорья Клобукова“ **).

16 или 17 февраля 1604 года послы въѣхали въ Москву, а 18-го явились въ Посольскій приказъ къ Татищеву. Татищевъ

*) Ibid. стр. 363.
**) Ibid. стр. 377.

встрѣтилъ ихъ съ подобающей торжественностью: на площади передъ приказомъ были выстроены стрѣльцы „въ обычномъ платьѣ“, а Татищева окружала свита изъ 40 дворянъ „въ смирномъ въ чистомъ платьѣ“, т. е., переводя этотъ терминъ на современный языкъ не въ обыденномъ, но по случаю поста и не въ самомъ парадномъ. Послы были встрѣчены посреди палаты Татищевымъ и Клобуковымъ, которые встали, чтобы ихъ привѣтствовать и приняли отъ Кирилла благословеніе, узнавъ, что онъ архимандритъ; затѣмъ посидѣвъ и помолчавъ немного, какъ того требовалъ этикетъ, Татищевъ приступилъ къ дѣлу и открылъ засѣданіе замѣчательной и весьма характерной рѣчью, изъ которой мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ.—„Кириллъ, сказалъ онъ, скажи намъ, какимъ образомъ царь Александръ позволилъ себѣ говорить про государя царя такія непригожія рѣчи, какихъ и представить себѣ немыслимо (чего и въ разумъ вмѣстить нельзя)? Вѣдь, если-бы царь Александръ что-либо подобное сказалъ даже про царскаго боярина, то и это уже было-бы оскорбленіемъ царю!“ Высказавъ такимъ образомъ свое негодованіе, Татищевъ, перешелъ къ увѣщанію и назиданію: „царь Александръ говоритъ, продолжалъ онъ, что онъ выслалъ нашему государю чуть-ли не все свое имущество и взамѣнъ не получилъ ничего; подумай, можно-ли говорить такъ! Правда, ваши послы пріѣзжали и привозили подарки и царь принималъ ихъ, такъ вѣдь только для того, чтобы не оскорбить царя Александра отказомъ и не лишить его своей царской милости; и принималъ государь всегда только небольшую часть, а остальное отсылалъ обратно. Къ нашему государю многіе иностранные государи присылаютъ пословъ и съ ними подарки, какъ знакъ ихъ братской любви, и нашъ великій государь дѣлаетъ то же, но вѣдь это дѣлается не для корысти, а въ знакъ любви. Да и нужны ли нашему государю подарки грузинскаго царя! „У великаго государя нашего, у его царскаго величества Божіею милостью столько его царской казны, что Иверскую землю велитъ серебромъ насыпать, а золотомъ покрыть да и то не дорого“, съ великолѣпною гордостью добавилъ онъ *). Затѣмъ Татищевъ перешелъ къ тѣмъ обидамъ и оскорбленіямъ, которыя терпѣли Нащокинъ и Леонтьевъ по ихъ словамъ отъ Александра, и прочелъ длинный списокъ прегрѣшеній грузинскаго царя, составленный на основаніи посольскихъ донесеній.

Кириллъ выслушалъ обращенную къ нему рѣчь и выразилъ крайнее изумленіе и ужасъ.—„Не только говорить, и поступать

*) Ibid. стр. 378.

КАТОЛИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

такъ, какъ по вашимъ словамъ говорилъ и поступалъ царь Александръ, сказалъ онъ, но и отъ васъ слышать про такіе непристойные чьи-бы то ни было поступки, такъ охватываетъ страхъ. Я родомъ грекъ и христіанской вѣры, теперь для всѣхъ насъ православныхъ христіанъ наступилъ спасительный постъ, и вотъ я клянусь христіанской вѣрой, своимъ иноческимъ обѣтомъ и священническимъ саномъ, что никогда не слыхалъ отъ своего государя такихъ непристойныхъ рѣчей про великаго царя". Затѣмъ онъ попросилъ сообщить ему еще разъ подробно въ чемъ именно обвиняется Александръ; желаніе его было исполнено и обвинительный актъ противъ царя былъ прочтенъ по пунктамъ: Кириллъ слушалъ, приходилъ въ ужасъ или негодованіе, смотря по тому, чего требовали обстоятельства, въ одномъ мѣстѣ даже ушамъ не повѣрилъ и просилъ перечесть ему этотъ пунктъ и на все давалъ болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты.

Объясненія Кирилла были признаны удовлетворительными, и ему дана была ауденція. Ободренный милостивымъ царскимъ пріемомъ, онъ подалъ челобитную на дѣйствія Нащокина и Леонтьева, искъ, по которой былъ признанъ справедливымъ и Леонтьевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной ему по просьбѣ Кирилла кнутомъ; Нащокина къ этому времени уже не было въ живыхъ. Леонтьева повели мимо подворья, на которомъ стоялъ грузинскій посолъ, и мѣстомъ экзекуціи былъ выбранъ такой пунктъ, съ котораго Кириллъ могъ ее видѣть. Наказаніе это произвело такое впечатлѣніе на непривыкшаго къ подобнымъ зрѣлищамъ грека, что тотъ, упавъ на колѣни, со слезами молилъ находившагося тутъ же Татищева прекратить наказаніе и помиловать осужденнаго,—просьба его была исполнена.

Миссія Кирилла могла считаться выполненной: ему было объявлено, что, жалуя царя Александра, царь Борисъ посылаетъ свою рать на его недруга шамхала подъ начальствомъ окольничаго Ивана Михайловича Бутурлина „шевкалову землю воевати и города ставити", тогда же ему было сообщено, что съ царскимъ жалованьемъ и съ наказомъ, какъ поступать въ русскомъ подданствѣ, отправляются къ царю послы Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ и дьякъ Андрей Ивановъ *). Царское жалованье и наказъ не были такими дѣлами чрезвычайной важности, для которыхъ слѣдовало бы снаряжать особенное посольство,—это могло быть быть дѣломъ простого гонца,—миссія Татищева была гораздо значительнѣе и интереснѣе, чѣмъ было объ этомъ объявлено оффиціально.

*) Ibid. стр. 414.

Со времени вступленія своего на престолъ Борисъ не переставалъ стараться породниться съ какою либо изъ владѣтельныхъ династій Европы. Это было для него прямымъ разсчетомъ: путемъ брака своихъ дѣтей съ лицами царской крови увеличивалъ онъ блескъ своего имени и слѣдовательно упрочивалъ положеніе только что основанной династіи. Съ этою цѣлью былъ выписанъ герцогъ Густавъ, сынъ шведскаго короля Эриха, но онъ такъ велъ себя, что Борисъ не только не могъ отдать ему руку дочери, но даже держать его въ Москвѣ и сослалъ безпокойнаго герцога въ Угличъ, гдѣ онъ и прожилъ до самой своей смерти въ 1607 году. Второй попыткой въ этомъ направленіи были сношенія съ Даніей, результатомъ которыхъ явилось сватовство брата датскаго короля принца Христіана, который уже былъ объявленъ женихомъ царевны Ксеніи, по 28 октября 1602 года скончался, не успѣвъ породниться съ царскимъ домомъ. Ко времени смерти ея второго жениха Ксеніи шелъ уже 22-ой годъ, и она могла считаться по понятіямъ своего времени перестаркомъ, нужно было во что бы то ни стало найти ей жениха, и какъ можно скорѣе. Но гдѣ было его искать? Нужно думать, что въ промежутокъ между концомъ 1602 года и первой половиной 1604-го Борисъ не оставлялъ поисковъ на западѣ: такъ сохранилось извѣстіе, что въ 1603 году московскіе послы Michael Rönnon и Affinassa (Карамзинъ полагаетъ, что это были Мих. Глѣб. Салтыковъ и думный дьякъ Аѳанасій Власьевъ) предлагали руку царевны послѣдовательно тремъ сыновьямъ Іоанна герцога шлезвигскаго Фредерику, Альберту и Филиппу, при чемъ окончательно остановились на послѣднемъ, заручившись согласіемъ отца *); къ сожалѣнію обстоятельства помѣшавшія благополучному окончанію этого сватовства, совершенно неизвѣстны. Въ 1604 году и царевичу минуло 15 лѣтъ, нужно было не спѣша обдумать и ему хорошую партію, но будущей русской царицы нельзя было искать въ неправославныхъ странахъ; есть свидѣтельство, что царскіе родственники, придворный кругъ и народъ сильно возмущались предполагавшимся бракомъ царевны съ иноземцемъ-католикомъ **), надо думать, что негодованіе усилилось бы, если жена будущаго царя была бы иностранкой, хотя бы только по рожденію.

Такъ или иначе, но Борисъ обратилъ свое вниманіе на кавказскія страны. Многое говорило за то, чтобы искать именно тамъ брачныхъ союзовъ для дѣтей Бориса: мѣстныя династіи были

*) Карамзинъ И. Г. Р. XI пр. 77 ссылка на Бюшинга.
**) Масса и Геркманъ стр. 91.

царскія, ведшія свой родъ отъ библейскаго царя Давида и при томъ исповѣдовали православіе; далѣе несомнѣнная практическая выгода была въ томъ, что предложеніе породниться съ такимъ могущественнымъ царемъ, каковъ былъ московскій, должно было казаться мелкимъ царькамъ счастьемъ, о которомъ они и мечтать не смѣли, слѣдовательно не могло быть и рѣчи о какихъ-либо затрудненіяхъ или условіяхъ, которые стала бы диктовать сторона, къ которой обратились съ предложеніемъ. Наконецъ слухи о возставшемъ изъ гроба законномъ наслѣдникѣ московскаго престола, уже бродившіе за границей, еще не достигли Кавказа, и шансы Бориса стояли тамъ высоко, и Борисъ окончательно рѣшилъ оставить западъ, гдѣ его матримоніальные замыслы потерпѣли фіаско, и обратиться на востокъ. Вотъ эта то щекотливая миссія, найти жениха царевнѣ Ксеніи и невѣсту царевичу Ѳеодору была возложена секретнымъ образомъ на Михаила Игнатьевича.

Будучи назначенъ посломъ, Татищевъ былъ облеченъ титуломъ намѣстника Можайскаго и именовался въ кредитивныхъ грамотахъ дворяниномъ ближней царской думы. Послѣ классическаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго *) едва ли есть надобность доказывать различіе между терминомъ думный чинъ и чинъ ближней думы, и для Татищева указанное званіе не было пустымъ звукомъ для украшенія;—въ связи съ самой миссіей, которая, благодаря своей щекотливости и деликатности, могла быть возложена только на очень близкое лицо, званіе дворянина ближней думы подтверждаетъ лишній разъ фактъ несомнѣнной большой близости его къ царю. Важно обратить вниманіе на то, при какихъ политическихъ обстоятельствахъ Татищевъ покинулъ Москву: онъ выѣхалъ оттуда 3 или 4 мая 1604 года; въ это время названный Димитрій уже вернулся изъ Кракова въ Самборъ и, ободренный милостивымъ пріемомъ короля и его сочувствіемъ, дѣятельно вербовалъ себѣ сторонниковъ, свѣденія о немъ проникали въ русское общество, особенно въ правительственные круги уже не въ видѣ смутныхъ и сбивчивыхъ слуховъ, а какъ нѣчто болѣе опредѣленное. Тѣмъ не менѣе Борисъ не придавалъ имъ большого значенія,—насколько мало безкокоился онъ о судьбахъ своей династіи, доказываетъ самая миссія Татищева, который выѣхалъ изъ Москвы, вѣроятно освѣдомленный только о томъ, что противъ царя затѣвается что то неладное, связанное съ именемъ покойнаго царевича. Имя Отрепьева еще не произносилось, а Петръ Никитичъ Шереметевъ, если вѣрить словамъ Хрущова, въ интимныхъ бесѣ-

*) Боярская дума изд. 2. стр. 320—334.

дахъ замѣчалъ; что если загадочная личность за рубежемъ есть дѣйствительно природный царевичъ, то трудно будетъ противъ него воевать *).

Мы указали уже на то обстоятельство, что порученіе, данное Татищеву было облечено строгой тайной, въ дошедшихъ до насъ документахъ его посольства сохранилось нѣсколько любопытныхъ указаній на этотъ счетъ: такъ наказовъ посламъ было два—офиціальный и тайный, содержаніе котораго до насъ къ сожалѣнію не дошло, послѣдній долженъ былъ храниться лично у Татищева, а не у дьяка исправлявшаго вмѣстѣ должность второго посла и секретаря посольства; далѣе—одна только возможность открытія секрета царской семьи привела Бориса въ сильный гнѣвъ, это видно изъ слѣдующаго характернаго обстоятельства; владимірскіе воеводы Вельяминовъ и Молвяниновъ получили для дальнѣйшей пересылки въ Москву донесеніе Татищева царю. Движимые усердіемъ, а можетъ быть и любопытствомъ, они распечатали это донесеніе и переписали бумагу, достаточно вѣроятно потрепанную и испачканную за дальній путь, и послали въ Москву по назначенію, снятую копію, прося указаній поступать ли имъ такъ и впредь. Такое служебное усердіе не по разуму вызвало слѣдующую энергичную отповѣдь изъ Москвы: „писали вы къ намъ, говоритъ царская грамота на имя владимірскихъ воеводъ, что вы распечатали тайную отписку Татищева и переписали ее на бѣло, и вы б....вы дѣти, страдники и глупцы дѣлаете не гораздо; какъ вы, деревенскіе мужики смѣете безъ нашего указу такія наши тайныя великія дѣла распечатывати и переписывати! А на тѣхъ дѣлѣхъ Михайло (Татищевъ) подписывалъ имянно, что тѣхъ нашихъ тайныхъ дѣлъ безъ нашего указу не честь, а вы чтете и переписываетъ невѣсть кто“. Въ заключеніе грамота категорически воспрещаетъ впредь что-либо подобное, предписываетъ сжечь оставшуюся у нихъ отписку и грозитъ смертной казнью и воеводамъ и переписчику, если только кто-либо узнаетъ содержаніе сожженнаго документа **).

Мы не будемъ останавливаться подробно на первой, чисто оффиціальной части миссіи Татищева,—его статейный списокъ исчерпали въ этомъ отношеніи еще Карамзинъ и Соловьевъ; для насъ гораздо важнѣе вторая, секретная часть его дипломатической дѣятельности на Кавказѣ. Достаточно будетъ напомнить, что ему пришлось покинуть Грузію, не добившись ничего опредѣленнаго, такъ какъ для этой несчастной страны наступило свое смутное

*) Собр. гос. гр. и дог. II 173—178.

**) С. Бѣлокуровъ. Сношн. Рос. съ Кавк. I 450, 461.

время. Шахъ Аббасъ давно уже смотрѣлъ косо на сношенія Грузіи съ Москвою, и если терпѣлъ ихъ, то только потому, что опасался какъ-бы Грузія не передалась въ турецкое подданство, если мѣшать ея соединенію съ Москвою, тѣмъ болѣе, что и въ Борисѣ онъ видѣлъ такого же врага султана, какимъ былъ и самъ. Тѣмъ не менѣе упустить эту страну и отдать ее въ чужія руки совсѣмъ не входило въ его разсчеты; когда онъ увидѣлъ, что Александръ уже почти неразрывно связалъ себя съ московскимъ государствомъ, онъ тотчасъ-же рѣшилъ отдѣлаться отъ него и приказалъ его младшему сыну Константину, принявшему магометанство, убить своего отца и занять его престолъ, что тотъ и выполнилъ въ точности, убивъ уже кстати и своего брата Георгія. Послы такъ и не видѣли царя Александра и были принуждены вести переговоры съ Константиномъ, который, послушно исполняя волю шаха, отказался отъ присяги московскому государю, хотя и увѣрялъ пословъ, что будетъ служить Москвѣ лучше, чѣмъ его покойные отецъ и братъ. Было ясно, что отъ Константина ждать пока нечего, а что будетъ дальше, то будетъ видно, и Татищевъ рѣшилъ не тратя безполезно времени приступить ко второй части, возложеннаго на него порученія, которая въ Грузіи потерпѣла также полную неудачу: единственные юные представители грузинскаго царскаго дома, дѣти умершаго ц-ча Давида Александровича царевичъ Теймуразъ и царевна Елена были мѣсяца за два до пріѣзда Татищева отправлены царемъ Александромъ изъ личныхъ разсчетовъ въ Персію при чемъ Аббасъ взялъ къ себѣ въ жены 12-лѣтнюю царевну, такъ что о ней говорить больше не приходилось, а Теймураза никакъ нельзя было выписать изъ Персіи обратно въ скоромъ времени, и Татищевъ, покинувъ Грузію, въ серединѣ апрѣля 1605 года, отправился въ Карталинію, ко двору царя Георгія искать тамъ жениха и невѣсту для царскихъ дѣтей. По наведеннымъ заранѣе справкамъ оказалось, что у царя Георгія есть дочь Лела, о красотѣ которой мѣстные агенты пословъ отзывались въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Появленіе московскаго посольства, несмотря на предварительныя обсылки, произвело большой переполохъ въ Карталиніи: царь Георгій послалъ навстрѣчу ему архіепископа Ѳеодосія съ просьбой подождать на границѣ и дать немного времени, чтобы изготовиться для встрѣчи такихъ почетныхъ гостей. Татищевъ исполнилъ его просьбу и простоялъ 10 дней на границѣ, наконецъ 25 апрѣля снова пріѣхалъ къ нему тотъ же архіепископъ, и посольство двинулось въ путь. Версты за три до того мѣста гдѣ расположился станомъ царь Георгій, пословъ ожидала торжественная встрѣча:

ихъ встрѣтили 2 карталинскихъ архіепископа и 2 епископа съ греческимъ митрополитомъ Германомъ, въ сопровожденіи царскихъ приближенныхъ и азнауровъ со свитою около 100 человѣкъ. Послы были, какъ водится, спрошены о здоровьи и торжественно провожены до царскаго стана, по близости котораго имъ были отведены квартиры. На другой день посламъ была дана аудіенція, при чемъ было условлено, что они будутъ править только оффиціальное посольство, а секретныхъ порученій коснутся другой разъ.

Шествіе пословъ къ царю было болѣе, чѣмъ торжественно: саженей за 10 до царскаго стана ихъ встрѣтилъ дядя царя царевичъ Вахтангъ съ сыномъ, а у самыхъ шатровъ царскій сынъ ц-чь Луарсабъ; самъ царь пошелъ къ нимъ на встрѣчу къ порогу своего шатра и во все время пріема стояла. Послѣ обычныхъ привѣтствій и вопросовъ о здоровьи Татищевъ произнесъ рѣчь, въ которой предложилъ Карталиніи московское покровительство и защиту подъ условіемъ подданства, и подалъ написанную имъ самимъ и его товарищемъ дорогою грамоту отъ царскаго имени о сватовствѣ. Царь отвѣтилъ на предложеніе подданства выраженіями радости и благодарности, о тайныхъ дѣлахъ говорить не захотѣлъ и пригласилъ пословъ къ столу.

За обѣдомъ онъ посадилъ Татищева рядомъ съ собой по лѣвую сторону, выше царевича Вахтанга и, когда посолъ попробовалъ уклониться отъ такой чести, настоялъ на своемъ; дьякъ А. Ивановъ былъ посаженъ ниже Вахтанга, но выше всѣхъ остальныхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ царевичей и князей.

На слѣдующій день послы были приглашены къ Георгію для передачи ихъ секретныхъ предложеній; встрѣча была такая же, какъ и вчера, только на этотъ разъ царя окружали исключительно близкіе родственники и приближенные совѣтники. Татищевъ по наказу торжественно сдѣлалъ предложеніе царю породниться съ московскимъ царствующимъ домомъ, выдавъ свою дочь за ц-ча Ѳеодора и пріискавъ жениха для Ксеніи. Георгій въ отвѣтной рѣчи поблагодарилъ царя за высокую честь и обѣщалъ дать отвѣтъ, посовѣщавшись предварительно со своею ближнею думой (самые переговоры велись такимъ образомъ: Татищевъ говорилъ по русски, переводчикъ Своитинъ Каменевъ переводилъ его рѣчь и текстъ прочитанной тутъ же царской грамоты на греческій языкъ, а съ греческаго на карталинскій переводилъ присутствовавшій при пріемѣ архіепископъ Ѳеодосій). Пріемъ опять закончился обѣдомъ, а на другой день царь обѣдалъ у Татищева.

Завязались оживленные переговоры: 2 мая къ посламъ явились Ѳеодосій съ нѣсколькими царскими приближенными и,

выразивъ еще разъ отъ имени царя благодарность и радость по поводу предложенія царя Бориса, высказалъ опасеніе, что мусульманскіе государи, разъ они узнаютъ объ его переходѣ въ русское подданство, непремѣнно пойдутъ на него войной, и пожелалъ узнать, каковы мысли пословъ на этотъ счетъ. Татищевъ и Ивановъ стали, конечно, увѣрять уполномоченныхъ, чтобы они и въ мысляхъ не держали ничего подобнаго: какъ только вопросъ о сватовствѣ уладится, московскій царь будетъ защищать своего свата своею грудью, что же касается до шаха персидскаго, котораго особенно боялся Георгій, то онъ такъ дорожитъ дружбой ц. Бориса, что исполнитъ всякое его требованіе, слѣдовательно Картелиніи нечего бояться. Уполномоченные передали этотъ отвѣтъ царю и сейчасъ-же вернулись обратно; царь весьма основательно замѣтилъ, что какъ ни отрадна ему милость и помощь московскаго царя, но государство его, а слѣдовательно и помощь, далеко, а враги на самой границѣ, дружбѣ мусульманъ довѣрять невозможно, однимъ словомъ, если послы не оставятъ у него человѣкъ 500 стрѣльцовъ съ пищалями, то ему и думать нечего вести переговоры съ ними. Послы возражали было, что это выходитъ за предѣлы ихъ полномочій, но Георгій твердо сталъ на своемъ, и Татищевъ разсудилъ, что изъ-за такого сравнительно небольшого вопроса не стоитъ терять такого цѣннаго пріобрѣтенія, каковы Карталинія и подвластная ей, такъ называемая, Сонская земля; онъ обѣщалъ наконецъ помощь войскомъ въ размѣрѣ 150 человѣкъ стрѣльцовъ только въ томъ однако случаѣ, если ц. Георгій покажетъ имъ свою дочь Елену и отпуститъ ее вмѣстѣ съ ними въ Москву, отъ царя требовался еще женихъ для Ксеніи и присяга на русское подданство. Снова уполномоченные отправились къ своему государю и принесли отъ него отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что дочь свою онъ выдаетъ за Ѳеодора, разъ уже далъ свое слово, но отпустить ее съ послами положительно невозможно: во первыхъ, она еще слишкомъ мала (царевнѣ Лелѣ шелъ 10-ый годъ), во вторыхъ ей еще надобно изготовить достойное царской дочери приданое, чтобы не было стыдно передъ другими государями. Послы возразили на это, что правда царевна еще молода, но вѣдь и свадьбѣ еще не сейчасъ быть; около полугода времени придется потратить на путь до Москвы, кромѣ того ей придется пожить при дворѣ царицы Марьи Григорьевны, чтобы привыкнуть къ царскому обиходу, и московскимъ обычаямъ и научиться русскому языку, на это потребуется также около полугода, вотъ настоящее время и подойдетъ, и царю тутъ размышлять не надъ чѣмъ: если ему нужны для снаряженія дочери въ путь деньги, то Татищевъ го-

товъ ему ссудить ~~тюменей~~ двѣсти (тюмень = 6 московскимъ рублямъ) и больше, сколько потребуется. Это предложеніе не прельстило Георгія и другіе доводы пословъ также на него не подѣйствовали; онъ отвѣтилъ категорически, что, дочь свою посламъ онъ покажетъ, какъ обѣщалъ, но отпустить ее съ ними онъ не можетъ ни подъ какимъ видомъ. Вмѣстѣ съ ними онъ отправитъ къ ц. Борису своихъ пословъ,—пусть они услышатъ изъ его устъ милостивое слово и пусть тогда ц. Борисъ пришлетъ еще другое посольство спеціально за его дочерью и тогда онъ ее отпуститъ, а теперь пусть даже обрушится на него грозный гнѣвъ московскаго царя, но онъ не можетъ нарушить обычай своей земли и отпустить свою дочь по первому требованію съ первыми же послами, не съ честью, а „кабы полонянку". Какъ ни настаивалъ на своихъ требованіяхъ Татищевъ, царь заупрямился и не уступилъ; тогда послы, оставивъ на время вопросъ объ отпускѣ царевны открытымъ, перешли къ нужному имъ царевичу. Послѣ тщательныхъ розысканій удовлетворящимъ ихъ требованіямъ оказался младшій дядя царя ц-чъ Кайхосро Вахтанговичъ, и единственнымъ препятствіемъ со стороны ц. Георгія являлось опасеніе, какъ бы будущій мужъ московской царевны, попавъ въ знатное родство, не затѣялъ добиваться карталинскаго престола. Послы поспѣшили разсѣять тревогу царя увѣреніемъ, что стоитъ лишь царевичу попасть въ Москву, какъ оттуда его не выпустятъ никуда, и престолъ будетъ обезпеченъ Георгію и его потомкамъ; о путевыхъ издержкахъ царевича также царю безпокоиться нечего— послы берутъ ихъ на себя.

Устроено было свиданіе пословъ съ царевичемъ: по осмотру ихъ Кайхосро оказался: „ростомъ не малъ, въ стану прямъ, рожаемъ пригожъ, лицомъ присмуглъ, а лицо гладко, очи кари, не малы, носъ маленько покляпъ (горбатый) и вотонъ, волосомъ темнорусъ, усъ не великъ, бородка высѣла, и онъ ее брѣетъ; и въ разговорахъ просужъ и разуменъ, рѣчь чиста, по-турски гораздъ, а вѣры христіанскія греческаго закону, и грамотѣ по грузински гораздъ, а лѣтъ ему 23 годы". *) На вопросъ царскихъ уполномоченныхъ, каковъ царевичъ показался посламъ, тѣ уклончиво отвѣтили, что похулить его нельзя, — хорошъ, но ничего особеннаго изъ себя не представляетъ, и они не могутъ сказать утвердительно „что онъ годенъ къ такому великому дѣлу". — Пусть царь отпуститъ его съ ними, а тамъ уже будетъ дѣло государя удержать его при себѣ или отпустить обратно. Этотъ

*) Сношн. Рос. съ Кавк. стр. 507.

вопросъ объ отпускѣ царевича послужилъ предлогомъ для Георгія потребовать снова вспомогательнаго войска въ количествѣ по крайней мѣрѣ, 300 стрѣльцовъ; царь ссылался на то, что ц-чъ Кайхосро правая рука его въ ратномъ дѣлѣ и безъ него государство останется почти безъ защиты. Послѣ долгихъ споровъ и торговъ сошлись на 150 человѣкахъ, содержаніе которыхъ царь обязывался принять на собственный счетъ.

8 мая Георгій пригласилъ пословъ на смотрины царевны въ царицыны шатры; царевна сидѣла на возвышеніи, покрытомъ вышитыми золотомъ коврами, унизанными жемчугомъ; на ней было верхнее платье изъ шитаго золотомъ бархата отдѣланное кружевомъ изъ жемчуга, подъ этимъ платьемъ было другое изъ обьяри также шитой золотомъ, на головѣ у нея былъ уборъ изъ гладкаго червчатаго бархата, усыпанный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; по правую руку отъ нея сидѣла ея бабушка царица Тамара, по лѣвую мать. Послы по заведенному обычаю поднесли царицамъ подарки, царь, находившійся тутъ-же, приказалъ царевнѣ встать, смѣрилъ ея ростъ тростью и мѣрку отдалъ посламъ. Впечатлѣніе на пословъ царевна Леля произвела слѣдующее: „рожаемъ добра, а не отлично красна, лицомъ бѣла, только бѣлится не самое знатно (слишкомъ мало), а очи черны, носъ не великъ, по лицу волосы крашены на красно, а сказываютъ, что у нея волосы черны, а въ стану царевна пряма, только тоненька, что молода... И какъ послы царевну видѣли — и царь Юрьи, отшедъ въ другой шатеръ, спрашивалъ пословъ: какова-де дочь моя показалась, пригодится-ли великаго государя Вашего сыну ц-чу князю Ѳеодору Борисовичу? И послы ему сказали, что дочь его царевна Елена далъ Богъ добра и чаемъ Божьей милости, что царскаго величества сыну пригодится“. *)

10 мая ц. Георгій въ присутствіи пословъ торжественно присягнулъ на вѣрность и подданство Россіи и подписалъ составленную въ этомъ смыслѣ запись; со своей стороны Татищевъ клятвенно обязался дать царю отрядъ въ 150 вооруженныхъ пищалями стрѣльцовъ и именемъ ц. Бориса обѣщалъ послать особую рать, чтобы покорить безпокойныя горныя племена, расположившіеся между Карталиніей и русской границей, и очистить свободную прямую дорогу между обоими государствами. Въ тотъ же день послы получили отпускъ. Нельзя не отмѣтить слѣдующей мелкой подробности, характерной для того, какъ московскіе люди вели дѣла: въ день отпуска Георгій прислалъ къ посламъ за деньгами,

*) Ibid. стр. 510.

которые они обѣщали дать на подъемъ царевичу; — послы отправили къ нему шесть сороковъ соболей „цѣна имъ 150 рублевъ, а положили имъ цѣну вдвое и дали за 300 рублевъ“, похвастались они въ послѣдствіи въ своемъ статейномъ спискѣ *).

11 мая 1605 года Татищевъ двинулся въ обратный путь и покинулъ Карталинію, уже подвластную московскому государю. Окинувъ взоромъ свою посольскую дѣятельность, онъ былъ въ правѣ гордиться блестящимъ выполненіемъ даннаго ему порученія: поддержавъ съ честью достоинство русскаго имени, онъ не только нашелъ жениха и невѣсту для царскихъ дѣтей, но и примыслилъ новое царство, прибавилъ въ титулъ московскаго царя слово — карталинскій. — Но судьба надсмѣялась надъ Татищевымъ, всѣ его труды пошли прахомъ: за мѣсяцъ передъ этимъ, когда они еще приближались къ границамъ Карталиніи, царь Борисъ скончался, а въ день возвращенія Татищева въ русскіе предѣлы, на Терку, былъ задавленъ молодой царь Ѳеодоръ Борисовичъ, и московскіе люди восторженно привѣтствовали названнаго Димитрія. До Татищева однако еще не дошли слухи о московскомъ переворотѣ: вѣсти изъ Москвы, благодаря долгой дорогѣ и неудобствамъ путей сообщенія, приходили въ Терку только на третій мѣсяцъ, а Михаилъ Игнатьевичъ находился вдобавокъ по ту сторону кавказскаго хребта, куда и дороги не были хорошо извѣстны. Кромѣ того Теркѣ было не до московскихъ вѣстей: ее поглотилъ всецѣло вопросъ о собственной безопасности: дагестанскіе племена, соединившись подъ знаменемъ шамхала съ турецкимъ войскомъ, рѣшили воспротивиться оккупаціоннымъ замысламъ московскаго правительства и напали на оперировавшій въ ихъ землѣ русскій отрядъ, находившійся подъ командованіемъ воеводы Бутурлина, которому было поручено защищать Грузію отъ постоянныхъ нападеній трехъ племенъ. Они осадили его въ недостроенной имъ крѣпости Таркахъ, и Бутурлинъ, попавъ въ безвыходное положеніе, принужденъ былъ сдать ее подъ условіемъ свободнаго пропуска въ московскіе предѣлы, но онъ не зналъ насколько можно было довѣрять слову дикихъ азіатовъ. Едва вышелъ онъ съ войскомъ въ степь, какъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ, произошла отчаянная битва, въ которой русскій отрядъ былъ разбитъ на голову, воеводы Ив. Мих. Бутурлинъ съ сыномъ, Осипъ Плещеевъ и Ив. Полевъ были убиты, а Пет. Ив. Бутурлинъ и тяжело раненный кн. Вл. Ив. Бахтеяровъ-Ростовскій взяты въ плѣнъ. Какъ только эта вѣсть достигла до Терки,

*) Ibid. стр. 513.

тамъ распространилась паника, воеводы чуть было не начали отступленія къ Астрахани, Татищевъ, который пришелъ сюда, съ большимъ трудомъ и потерями перебравшись черезъ Эльборусъ, не рискнулъ возвращаться въ Астрахань старымъ путемъ—степью, а сѣлъ со своею свитой на суда и отправился моремъ; эта мѣра предосторожности оказалась далеко не лишней: посольскіе лошади, отправленныя въ Астрахань по сушѣ, были всѣ захвачены нагаями, а сопровождавшіе ихъ люди частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ.

Въ Астрахани Татищевъ узналъ о перемѣнѣ царствованія и династіи. По своему отдаленному отъ Москвы положенію Астрахань получала всѣ политическіе новости далеко не съ тѣми подробностями, съ какими выходили они отъ двора или изъ сферъ правительственныхъ; такъ и въ данномъ случаѣ такая огромной важности новость, какъ вошествіе на престолъ своихъ предковъ чудесно спасеннаго царевича дошла до Астрахани несомнѣнно безъ такихъ подробностей, какъ сомнѣнія въ его подлинности, отожествленіе его личности съ монахомъ Григорьемъ Отрепьевымъ и т. п., тѣмъ болѣе, что въ это время его ореолъ въ глазахъ русскаго народа сіялъ еще ослѣпительнымъ блескомъ.—Достаточно вспомнить, какъ быстро и единодушно поднялись въ защиту оскорбленнаго Димитрія противъ новаго царя Василія южные и восточные города и въ томъ числѣ Астрахань. Такимъ образомъ, достигнувъ Астрахани, куда уже пришла извѣстительная грамота о вступленіи на престолъ Димитрія, намѣченная 11 іюня 1605 года, *) Татищевъ могъ узнать только фактъ его воцаренія безъ всякихъ комментаріевъ не въ его пользу. Двигаясь дальше къ Москвѣ онъ могъ видѣть своими глазами радость и ликованіе всего московскаго государства по поводу новаго царя, о которыхъ почти единогласно свидѣтельствуютъ источники. Вспомнимъ, что когда Татищевъ уѣзжалъ изъ Москвы, имя Отрепьева еще не произносилось, бродили лишь слухи, передававшіеся другъ другу на ухо, о томъ, что въ Польшѣ появилась личность, про которую говорятъ, что онъ Димитрій, но кто и что онъ, никто указать не могъ, такъ какъ, если и были такіе, которые знали много и достовѣрно, то не въ ихъ интересахъ во всякомъ случаѣ было разоблачать самозванство. Слушая разсказы про сказочные успѣхи Димитрія, про его чуть не тріумфальное шествіе отъ границы къ Москвѣ, можетъ быть и про то, какъ царица Марѳа признала въ немъ своего истиннаго сына, Татищевъ, проведшій почти 2

*) Собр. г. гр. и дог. II, 200.

года вдали отъ московской политической жизни и не имѣя въ рукахъ ни одного указанія или факта, кромѣ всѣми отрицаемой теперь смерти царевича въ Угличѣ, могъ и долженъ былъ искренно повѣрить въ царственное происхожденіе названнаго Димитрія и въ его священные права на престолъ всея Руси.

Какъ бы то ни было, а нужно было ѣхать въ Москву отдавать отчетъ въ возложенной на него миссіи, для Татищева, считавшагося любимцемъ Годунова, это значило ѣхать не на милость, можетъ быть даже для ссылки. Проѣзжая на своемъ пути понизовые города, онъ могъ встрѣчать сосланныхъ туда Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ и др., что могло служить только неутѣшительнымъ подтвержденіемъ его опасеніямъ. Нельзя сказать, чтобы Татищевъ совершалъ свой путь съ особенной поспѣшностью: отъ Терки до Москвы онъ ѣхалъ 5 мѣсяцевъ и наконецъ 12 ноября въѣхалъ въ Москву и въ тотъ же день вмѣстѣ со вторымъ посломъ дьякомъ Андреемъ Ивановымъ явился во дворецъ и подалъ отчетъ о своемъ посольствѣ или, какъ говоритъ статейный списокъ, „списокъ какъ у нихъ что дѣлалося въ Грузѣхъ. Никакая немилость не грозила, какъ оказалось, Татищеву, — наоборотъ, онъ былъ пожалованъ въ окольничьи (можетъ быть въ этомъ слѣдуетъ видѣть доказательство того, что царь призналъ его своимъ внучатнымъ дядей черезъ Нагихъ).

Крупныя перемѣны засталъ Татищевъ при московскомъ дворѣ. Ему, привыкшему къ степенному благолѣпію и чуть не литургійной важности обихода царскаго дворца, чѣмъ-то невозможнымъ и кощунственнымъ долженъ былъ показаться весь тотъ шумъ и блескъ, который внесъ съ собой названный Димитрій въ палаты, въ которыхъ прежде царила ничѣмъ ненарушимая благоговѣйная тишина, и если новшества царя ошеломляюще дѣйствовали на окружавшихъ его москвичей, то какое же впечатлѣніе должны были произвести они на человѣка совершенно неподготовленнаго, не ожидавшаго встрѣтить что-либо подробное. Третій Римъ, великая Москва заполонена поляками, которые ведутъ себя хозяевами и завоевателями; поляки вездѣ въ городѣ и въ кремлѣ и даже въ царскихъ хоромахъ; бояре, представители исконныхъ старорусскихъ родовъ должны сторониться и давать дорогу иноземцамъ, худшимъ представителямъ своей націи, вчера еще оборванными и голодными, а сегодня съ алчной поспѣшностью набивающими себѣ карманы награбленнымъ золотомъ, чтобы завтра расшвырять его пригоршнями. Со всѣхъ сторонъ самые обидные, самые больные щелчки русскому національному самолюбію; католическіе священники пользуются равнымъ, если не большимъ

уваженіемъ, чѣмъ православные; патріарха Іова нѣтъ, на его мѣстѣ какой-то сомнительный грекъ, чуть ли не зараженный латинской ересью; священные стариной и возведенные едва не въ догматы московскіе обычаи высмѣиваются и находятся въ полномъ пренебреженіи, а иноземные выхваляются и усердно проводятся въ обиходъ,—было надъ чѣмъ призадуматься „доброму побарателю по православной вѣрѣ христіанской“, впитавшему, какъ и его современники, съ молокомъ матери теоріи самаго крайняго націонализма.

Тѣмъ не менѣе Татищевъ былъ безсиленъ сказать свое слово по поводу совершавшагося. Положеніе его было не изъ ловкихъ: онъ попалъ въ милость къ царю возбуждавшему его негодованіе и каждый день доказывавшему тѣмъ или другимъ свое нецарственное происхожденіе, въ которомъ Татищевъ конечно уже скоро имѣлъ случай убѣдиться. Люди, съ которыми онъ былъ когда-то связанъ общностью взглядовъ и убѣжденій, — годуновцы, были удалены изъ Москвы и разсѣяны по отдаленнымъ городамъ; по своему прежнему положенію онъ не могъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ вошедшими опять въ силу Романовыми и Нагими; съ Шуйскими его раздѣляла старинная непріязнь, засвидѣтельствованная Иваномъ Тимофеевымъ, который увѣряетъ, что Татищевъ изъ угожденія Борису досаждалъ кн. Василію Шуйскому всячески и, бывали случаи, вступалъ даже съ нимъ въ рукопашную. Если только Тимофеевъ не сгустилъ красокъ, то, конечно, у Шуйскаго не было пріятныхъ воспоминаній о Татищевѣ, и онъ не могъ питать къ нему какихъ-либо нѣжныхъ чувствъ. Какъ бы то ни было, но разъ Татищевъ не могъ помириться съ наступившимъ царствованіемъ и его порядками, то ему оставалось на выборъ или пострадать, какъ пострадали Андрей Шереѳединовъ и позднѣе дьякъ Тимофей Осиповъ, что впрочемъ никому не принесло бы никакой пользы и для чего требовалось слишкомъ много мужества и самоотверженности, или примкнуть къ кружку, образовавшемуся во кругъ Шуйскаго и составившемуся изъ его братьевъ, кн. Вас. Вас. Голицына, кн. Ив. Сем. Куракина, Мих. Гл. Салтыкова и др., и къ которому позднѣе пристали кн. Мстиславскій, Романовы и Шереметевы. Татищевъ выбралъ послѣднее; вопросъ, — искренно или нѣтъ протянули другъ другу руки прежніе враги, не имѣетъ большого значенія, замѣтимъ лишь, что Татищевъ въ этомъ случаѣ рисковалъ много: пренебрегая расположеніемъ къ себѣ царя и слѣдовательно упрочившимся уже положеніемъ при дворѣ, онъ отдавался въ руки человѣка, имѣвшаго съ нимъ старые счеты и извѣстнаго по своимъ каче-

ствамъ далеко не съ высоконравственной стороны, дальнѣйшее поведеніе обоихъ показало, какъ будетъ выяснено, бо́льшую искренность примиренія Татищева, чѣмъ Шуйскаго.

II.

„А со 113 году, какъ пришелъ къ Москвѣ воръ разстрига „Гришка Отрепьевъ, и царя и вел. кн. Василія Ивановича цар„ство по 121 годъ, по царство великаго государя ц. и вел. кн. „Михаила Ѳедоровича всея Русіи разряды не писываны," гласитъ свидѣтельство первой половины XVII вѣка; *) благодаря этому пробѣлу мы не знаемъ, часто ли бывалъ при дворѣ Татищевъ и какъ велика была степень его близости къ царю. Косвенно мы имѣемъ доказательства того, что царь питалъ къ нему довѣріе, возлагая на него различныя порученія. Такъ почти черезъ мѣсяцъ послѣ своего возвращенія въ Москву съ Кавказа Татищевъ былъ назначенъ посломъ на сеймъ въ Варшаву, назначеніе состоялось 16 декабря, но отправленія этого посольства не послѣдовало, хотя въ послѣдствіи Мнишекъ упоминалъ о пребываніи Михаила Игнатьевича въ Польшѣ, въ качествѣ посла; **) отъ 24 декабря того же года сохранилась расписка въ томъ, что съ вотчины нѣкоего Едемскаго взято въ Важскій приказъ оброку и дани на текущій годъ 85 рубл. по царскому указу, по приказу окольничаго М. И. Татищева. Документъ этотъ даетъ основаніе полагать, что въ указанное время Татищевъ управлялъ этимъ приказомъ, о существованіи котораго сохранилось чуть-ли не единственное свѣденіе въ приведенномъ здѣсь документѣ. ***)

Расположеніемъ царя, если таковое имѣло мѣсто, Татищевъ пользовался недолго. 10 апрѣля 1606 года въ четвергъ на 6-ой недѣлѣ Великаго поста онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ кн. Вас. Шуйскимъ и другими за царскимъ столомъ; между прочими блюдами обѣдавшимъ была предложена телятина. Блюдо это было само по себѣ неумѣстно, какъ нарушеніе церковнаго устава и вдобавокъ телятина считалась у русскихъ нечистой и въ пищу неупотреблялась. Набожнымъ москвичамъ, строго хранившимъ посты, это блюдо должно было показаться глумленіемъ надъ ихъ религіозными воззрѣніями и грубымъ кощунствомъ. Шуйскій увидѣлъ

*) Рус. Ист. Сб. II стр. 16.

**) Родъ Татищевыхъ стр. 18, Рус. Ист. Библ. I, 102; С. г. гр. и д. II 234.

***) Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки, стр. 424.

въ этомъ благодарный и безопасный случай выступить еще разъ защитникомъ старины и православія и рискнулъ замѣтить царю, надо думать въ достаточно осторожныхъ выраженіяхъ, что такое нарушеніе поста грѣхъ и оскорбленіе присутствующимъ православнымъ. Шуйскаго поддержалъ Татищевъ, но разница въ способѣ выраженія ихъ негодованія была такова, что Шуйскій изъ за царскаго стола отправился, какъ всегда, домой, а Татищевъ прямо въ Вятку, „Сказаніе еже содѣяся“ утверждаетъ, что Татищевъ былъ сосланъ за смѣлое порицаніе предстоявшаго брака царя съ католичкой и прибавляетъ интересное свѣденіе о томъ, что фактъ его ссылки приказано было держать въ секретѣ; въ одномъ изъ списковъ этого источника прибавлено, что было сдѣлано распоряженіе о секвестрѣ его имущества, но о скандалѣ за царскимъ столомъ этотъ источникъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ *). Въ сущности оба извѣстія иностранное (Маржерета) и русское не противорѣчатъ другъ другу; начавъ съ телятины, какъ съ нарушенія устава, Татищевъ легко могъ перейти и на царскій бракъ, несомнѣнно, что разсказовъ объ этомъ происшествіи ходило много: одни упирали конечно на одну подробность, другіе — на другую. Какъ бы то ни было до Вятки Татищевъ однако не доѣхалъ, на дорогѣ ему было объявлено прощеніе и разрѣшеніе вернуться. По одному извѣстію это прощеніе выхлопоталъ Татищеву у царя Басмановъ; вмѣшательство его мало понятно, насколько извѣстно—родственныхъ связей между нимъ и Татищевымъ не было, а судя по дальнѣйшему дружба тутъ роли не играла; было бы вѣрнѣе думать, что оставленные въ Москвѣ родные Татищева хлопотали у царя черезъ него. Есть другое извѣстіе столь-же, если не болѣе, правдоподобное, что прощеніе Михаилу Игнатьевичу выпросилъ у царя на Пасху 20-го апрѣля кн. Вас. Ив. Шуйскій. Прощеніе было полное и Татищевъ занялъ свое прежнее мѣсто въ думѣ.

3 мая въ Москву прибыло посольство отъ Сигизмунда; подробности его пребыванія въ Москвѣ слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ стоило упоминать, достаточно будетъ отмѣтить, что когда царь среди обѣдовъ и баловъ вспомнилъ о томъ, что послы прибыли не затѣмъ только, чтобы присутствовать при его бракосочетаніи и связанныхъ съ нимъ празднествахъ, онъ составилъ комиссію для выслушанія ихъ предложеній и переговоровъ о нихъ, въ которую вошли кн. Дм. И. Шуйскій и М. И. Татищевъ при двухъ дьякахъ Власьевѣ и Громотинѣ. Комиссія эта имѣла, кажется,

*) Рус. Ист. Биб. XIII, 740; Сказ. совр. о Дм. Самозв. I 300.

всего лишь одно засѣданіе 15 мая; приглашенный въ нее посолъ Олесницкій открылъ переговоры пышной рѣчью съ ссылками на Св. Писаніе и на исторію, смыслъ которой заключался только въ томъ, что онъ ожидаетъ отъ бояръ точныхъ свѣдѣній, каковы намѣренія московскаго правительства относительно предполагавшагося союза Польши и Москвы противъ султана и татаръ. Кн. Шуйскій не говорилъ ничего, а Татищевъ, исходя изъ того предположенія, что такой союзъ врядъ ли будетъ имѣть мѣсто, разъ участь царя уже рѣшена, отвѣтилъ посламъ коротко, но рѣзко, высказавъ мнѣніе, что можетъ быть король только хочетъ вывѣдать московскія намѣренія, а самъ дѣйствовать не собирается, и что въ такомъ случаѣ со стороны Рѣчи Посполитой все это пышное посольство окажется только ложью и обманомъ. Послы слабо протестовали противъ его рѣзкихъ выраженій и доказывали, что Москва первая должна раскрыть свои карты, разъ иниціатива этого союза принадлежитъ ея царю, но Шуйскій и Татищевъ отложили переговоры, сообщивъ посламъ, что впредь они будутъ вестись въ присутствіи царя, и эти закончили дѣло, такъ какъ второму засѣданію состояться было не суждено.

Это было за день до возмущенія. Всѣ источники, особенно иностранные, единогласно утверждаютъ, что заговоръ чувствовался въ воздухѣ, и только одинъ царь въ непонятномъ ослѣпленіи самоувѣренности не ощущалъ никакого безпокойства. Уже 15-го и 16-го мая произошли мелкія столкновенія народа съ поляками, но Димитрій увидѣлъ въ нихъ простые уличные безпорядки и устранялъ ихъ обыкновенными полицейскими мѣрами, несмотря на представленіе Мнишка и Басманова, которые отовсюду получали извѣстія о готовящемся возмущеніи; онъ не обращалъ даже вниманія на то, что Шуйскій безъ всякой видимой причины задержалъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы войско, которое по его указу давно уже должно было итти къ Ельцу. 16-го мая во дворцѣ по обыкновенію былъ данъ блестящій балъ, и Шуйскій, воспользовавшись тѣмъ, что царю сейчасъ ни до кого и ни до чего, сдѣлалъ первый шагъ къ выполненію своего замысла: онъ царскимъ именемъ отпустилъ занимавшій дворцовые караулы отрядъ нѣмцевъ аллебардистовъ и оставилъ для сохраненія декорума только 20 — 30 человѣкъ. Балъ окончился къ ночи и царь легъ спокойно спать, мечтая о турнирѣ и маскарадѣ, предполагавшихся на дняхъ.

Едва наступилъ разсвѣтъ субботы 17 мая, какъ по сигналу, данному съ колокольни церкви св. Иліи на Ильинкѣ, загремѣлъ тревожный набатъ по всей Москвѣ. Красная площадь сейчасъ-же

была занята толпой заговорщиковъ, тамъ уже были вооруженные и на коняхъ Шуйскій, Голицынъ, Мстиславскій и Татищевъ; сбѣжавшемуся народу было объявлено, что литва хочетъ убить царя, и этимъ было отвлечено его вниманіе отъ того, что должно было произойти въ кремлѣ, и былъ поданъ сигналъ къ страшному избіенію иностранцевъ, особенно поляковъ. Шуйскій съ крестомъ и мечемъ, окруженный заговорщиками въѣхалъ въ Спасскія ворота и подступилъ къ царскому дворцу, окруживъ его со всѣхъ сторонъ. Ревъ набата и крики толпы уже перебудили тамъ всѣхъ, и увѣренія бывшаго въ царскихъ покояхъ кн. Димитрія Шуйскаго, что смятеніе происходитъ по случаю пожара въ городѣ не надолго успокоили царя и немногочисленныхъ лицъ, окружавшихъ его. Ничтожная кучка тѣлохранителей нѣмцевъ была безсильна передъ ожесточенной толпой, появленіе самаго царя съ аллебардой и съ грознымъ окрикомъ только усилило ея ярость. Басмановъ попытался было подѣйствовать силой убѣжденія и попробовалъ обратиться къ благоразумію бояръ, но Татищевъ, не давъ ему договорить, испустилъ страшное ругательство *) и ударомъ ножа въ сердце сбросилъ его съ лѣстницы, на которой тотъ стоялъ. Дворецъ мигомъ былъ взятъ, пытавшагося спастись бѣгствомъ царя схватили и прикончили, царица и ея дамы были арестованы.

Какъ только было совершено главное, Татищевъ сейчасъ же отправился къ Мнишку, дворъ котораго осаждала озвѣрѣлая толпа, и далъ знать ему, что пріѣхалъ для переговоровъ. Мнишекъ выслалъ къ нему своего пахолка нѣкоего Гоголинскаго, и Татищевъ сказалъ ему приблизительно слѣдующее: „передай своему господину, что господство еретика-самозванца, котораго привелъ къ намъ твой панъ, кончилось; жена его жива и будетъ отпущена къ отцу. Пусть онъ благодаритъ Бога за свое спасеніе не по заслугамъ, несмотря на смуту и кровопролитіе, которое внесъ онъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ въ русскую землю. Если хотите быть живы,—не хватайтесь за оружіе и не дразните народъ.“ Дворъ Мнишекъ сейчасъ-же былъ оцѣпленъ карауломъ, и царскій тесть оказался въ плѣну. Какъ уже сказано, избіеніе поляковъ было устроено Шуйскимъ, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ того, что произошло въ кремлѣ, и тѣмъ самымъ не дать ему возможность вступиться за царя, недовольство которымъ не было характернымъ настроеніемъ всей Москвы. Планъ удался вполнѣ

*) Костомаровъ. Смутное время I 371. Oscula matrem tuam in vulvam et principem tuum in penem.

и, какъ только, главная цѣль была достигнута — царь убитъ, — кровопролитіе сейчасъ же было остановлено, хотя и не безъ труда, боярами: спасли польскихъ пословъ и окружили дворъ ихъ стражей, спасли кн. Вишневецкаго, вывели его изъ помѣщенія, которое онъ занималъ, и отвели въ домъ Татищева.

Народъ успокоился, но боярамъ предстояло еще много хлопотъ. Несмотря на то, что наиболѣе важные представители польской націи остались невредимы, тѣмъ не менѣе нужно было озаботиться и о томъ, чтобы они были спокойны за свое будущее и постараться придать всему дѣлу въ ихъ глазахъ характеръ законнаго возмущенія народа противъ самозваннаго царя и наглыхъ иноземцевъ; другими словами свалить всю вину происшедшаго на поляковъ и попытаться доказать эту вину поубѣдительнѣе, чтобы лишить короля возможности вступиться за поруганную національную честь и за интересы своихъ подданныхъ, имѣвшихъ несчастье находиться въ Москвѣ.

На другой день послѣ убійства царя къ Мнишку явился Татищевъ чтобы успокоить его; воспользовавшись его пріѣздомъ, Мнишекъ началъ просить о свиданіи съ дочерью-царицей, которое Татищевъ ему и разрѣшилъ. Вѣроятно этимъ и ограничились на этотъ день его сношенія съ поляками, обстоятельства требовали его присутствія въ другомъ мѣстѣ: еще не были улажены два самыхъ насущныхъ вопроса—выборъ царя и патріарха.

Мы подошли къ самому любопытному, но, увы, и самому неясному эпизоду въ жизни Татищева—его участію въ избраніи кн. Василія Шуйскаго на царство. Это событіе по справедливому замѣчанію проф. Платонова есть любопытнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ сложнѣйшій моментъ въ исторіи Смуты. *Какъ* былъ посаженъ на престолъ Шуйскій—въ этомъ въ общихъ чертахъ согласны между собой всѣ русскіе и иностранные источники, но *кѣмъ* былъ онъ посаженъ, въ этомъ одинъ другому противорѣчитъ, приписывая одинъ—боярамъ, другой—его клевретамъ, третьи—всей Москвѣ. Противорѣчіе тутъ болѣе внѣшнее: несомнѣнно, чтобы получить престолъ, Шуйскому нужны были и тѣ, и другіе и третьи; его цѣль не была бы достигнута, если бы его сторонники не вліяли на народъ и бояре стали бы открыто ему противодѣйствовать. Поэтому одинаково несправедливо приписывать избраніе Шуйскаго только боярамъ или только его партіи, какъ это дѣлаютъ Палицынъ и Тимофеевъ, который все дѣло воцаренія новаго царя, кромѣ конечно, его собственнаго умысла, категорически приписываетъ Татищеву. Онъ, по словамъ этого автора, поступилъ такъ, чтобы загладить прежнія свои передъ Шуйскимъ

вины; Шуйскій былъ объявленъ царемъ „елико возможе скорость“ Татищева; нѣсколько ниже Тимофеевъ восклицаетъ: „какъ только могъ онъ (Татищевъ) сдѣлать это для Шуйскаго, и никто не воспротивился и не прекословилъ ему въ такомъ дѣлѣ!“ Еще ниже онъ называетъ Татищева сподобившимъ ц. Василія царской чести и, саркастически, возводителемъ *). Несомнѣнно, всѣ вышеприведенныя выраженія есть извѣстная гипербола увлекшагося автора, но во всякомъ случаѣ они указываютъ на то, что роль Татищева въ этомъ дѣлѣ была первостепенна или, по крайней мѣрѣ, весьма значительна. Косвенное подтвержденіе словамъ Тимофеева мы встрѣчаемъ у Палицына, который говоритъ, что ц. Василій на царство „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ возлюбленъ бѣ“, если понимать слово малыми въ смыслѣ непринадлежности къ большимъ баярамъ **). Это станетъ намъ еще болѣе ясно, если мы вспомнимъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ названнаго Димитрія, Татищевъ находился рядомъ съ Шуйскимъ. Вѣроятно, на основаніи приводимыхъ данныхъ, проф. Платоновъ приписываетъ Татищеву роль главнаго исполнителя въ дѣлѣ возведенія Шуйскаго на престолъ ***), врядъ ли, однако, онъ былъ простымъ исполнителемъ: его положеніе въ думѣ и при дворѣ, его государственная дѣятельность ставила его въ близкія отношенія къ такимъ боярамъ, каковы были князья Шуйскіе, Голицынъ, Мстиславскій и др., и онъ могъ и долженъ былъ вмѣстѣ съ ними обсуждать вопросъ о выгодѣ или невыгодѣ избранія на царство Шуйскаго или Голицына, а какъ человѣкъ въ высшей степени смѣлый и энергичный и благодаря перевороту поставленный вмѣстѣ съ другими во главѣ правленія, агитировалъ въ пользу своего кандидата всѣми мѣрами и велъ дѣло такъ поспѣшно и опредѣленно, что не далъ даже развиться оппозиціи: дѣло, какъ извѣстно, было поставлено такъ, что избраніе Шуйскаго получило характеръ, если не всенародный, то во всякомъ случаѣ всемосковскій.

Другой вопросъ, какими мотивами руководился Татищевъ, дѣйствуя въ пользу своего бывшаго врага Шуйскаго. При Годуновѣ они были людьми различныхъ партій и убѣжденій, при названномъ Димитріѣ ихъ соединила боязнь за національную честь, попавшую въ руки темнаго царя, и за православіе, которому грозилъ католическій натискъ. Они могли расходиться въ частно-

*) Рус. Ист. Биб. XIII. 389, 390, 392.

**) Р. И. Б. XIII. 500.

***) Платоновъ. Очерки по ист. смуты, стр. 298.

стяхъ, во взглядахъ на государственное управленіе, одинъ могъ быть сторонникомъ демократически-самодержавныхъ тенденцій правительства Грознаго и Годунова, другой—поклонникомъ удѣльной старины, но зато оба, конечно, сходились въ одномъ, что въ православной русской землѣ долженъ править православный царь, происходящій „отъ корене свѣтла“ и держащій свое царство честно и грозно, а не загадочная личность съ ярко выраженными иноземными симпатіями, топчащая въ грязь русскія національныя преданія. Тотъ же Тимофеевъ, котораго мы будемъ главнымъ образомъ придерживаться при изложеніи дальнѣйшихъ событій, какъ источника наиболѣе полнаго и вполнѣ заслуживающаго довѣрія въ главномъ, тотъ же Тимофеевъ мотивами, заставившими Татищева примкнуть къ Шуйскому и возвести его на престолъ, выставляетъ узко-эгоистическое желаніе получить боярство и такую близость къ царю, которая сравняла бы его съ первыми чинами думы Голицыными, Воротынскими, Шереметевыми и др. Надо думать, что Татищевъ могъ разсчитывать на благодарность новаго царя, но того же самаго, если не больше, онъ могъ ожидать и отъ другого претендента, если бы онъ предложилъ свои услуги кому-нибудь другому, а не Шуйскому.

Пока Москва или бояре выбирали царя, польскіе послы сидѣли, зорко охраняемые караулами, и томились въ неизвѣстности. На другой же день послѣ царскаго избранія къ нимъ пріѣхалъ Татищевъ и, сообщивъ имя новаго царя, обѣщалъ имъ аудіенцію у него въ слѣдующее воскресеніе. Вмѣсто назначеннаго дня, однако, послы получили обѣщанную аудіенцію во вторникъ 27 мая, но и тутъ оказалось, что царя они не увидятъ, а будутъ говорить только съ боярами. Когда послы пріѣхали во дворецъ, ихъ ввели въ отвѣтную палату, въ торжественное засѣданіе думы, въ которомъ присутствовали братья царя, три Голицына, Ив. Романовъ, Татищевъ и др. Послѣ обычныхъ привѣтствій кн. Мстиславскій обратился къ посламъ съ рѣчью, въ которой указывалъ на необходимость и законность убійства прежняго царя и обвинялъ во всемъ происшедшемъ короля Сигизмунда и поляковъ, пришедшихъ въ Москву съ царемъ и Мнишкомъ, какъ на виновниковъ всего происшедшаго. Въ длинной отвѣтной рѣчи посолъ Гонсѣвскій постарался опровергнуть, какъ могъ, взводимыя на поляковъ обвиненія, доказывалъ, что русскимъ некого винить, кромѣ самихъ себя, и требовалъ немедленнаго отпуска пословъ. Въ отвѣтъ Гонсѣвскому поднялся Татищевъ: возразивъ на главнѣйшія положенія рѣчи посла, онъ увлекся и съ обсужденія дѣла по существу перешелъ на современное состояніе Рѣчи Посполи-

той, указалъ на безпорядки, начавшіеся внутри страны, и на враговъ, грозящихъ ей извнѣ. Засѣданіе это не кончилось ничѣмъ опредѣленнымъ для пословъ, имъ было сказано только, что требованія ихъ будутъ представлены царю. На этотъ разъ имъ недолго пришлось ждать отвѣта: черезъ недѣлю, 3 іюня Татищевъ пріѣхалъ къ нимъ и привезъ съ собой документы, непреложно доказывавшіе участіе короля Сигизмунда и Рѣчи Посполитой въ дѣлѣ воцаренія названнаго Димитрія; тутъ были собственноручное письмо Сигизмунда и другія бумаги, касавшіяся удѣла обѣщаннаго Мнишку и его дочери, пропаганды католичества въ Россіи и пр. и пр.; въ своей рѣчи Татищевъ объявилъ посламъ, что они останутся въ Москвѣ до возвращенія изъ Польши отправленныхъ туда московскихъ пословъ кн. Гр. Волконскаго и дьяка Андрея Иванова. Послы, хотя и возражали и протестовали, но пришли въ такое уныніе, что одному изъ нихъ по отъѣздѣ Татищева сдѣлалось дурно.

Кажется этимъ и закончилась дѣятельность Татищева по переговорамъ съ польскими послами, по крайней мѣрѣ, дальнѣйшая ихъ исторія ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ его участіи въ нихъ. Одинъ изъ иностранныхъ источниковъ утверждаетъ, что Михаилъ Игнатьевичъ былъ въ числѣ лицъ, посланныхъ ц. Василіемъ въ Угличъ за мощами ц-ча Димитрія, извѣстіе это несомнѣнно ошибочно, не говоря уже о томъ, что ни одинъ русскій источникъ объ этомъ не говоритъ, можно указать еще на то обстоятельство, что въ то время, когда въ Угличѣ открывались мощи, Татищевъ въ Москвѣ сообщалъ объ этомъ польскимъ посламъ, вѣроятно, въ засѣданіи 27 мая въ отвѣтной палатѣ *). За то несомнѣнна его другая миссія, къ сожалѣнію не имѣющая опредѣленной даты, но относящаяся къ тому же 1606 году, ко времени по окончаніи имъ переговоровъ съ Олесницкимъ и Гонсѣвскимъ: онъ былъ посланъ царемъ Василіемъ въ Елецъ къ войску, находившемуся тамъ, съ царскимъ милостивымъ словомъ **). Василій очень интересовался удержать за собою этотъ городъ во время начавшагося уже броженія украинныхъ городовъ, такъ какъ въ немъ было собрано названнымъ Димитріемъ огромное количество военныхъ припасовъ для предполагавшагося похода на Крымъ.

Царь Василій Ивановичъ плохо однако отблагодарилъ за услуги Михаила Игнатьевича. При первомъ удобномъ случаѣ, а можетъ быть и безъ него, онъ поспѣшилъ поскорѣе отдѣлаться

---

*) Платоновъ. Очерки по ист. см. стр. 306.

**) С. С. Татищевъ. Родъ Татищевыхъ, стр. 18.

отъ Татищева и отправилъ его вторымъ воеводой въ Новгородъ, что было не болѣе, какъ почетной ссылкой. Есть извѣстіе, что это было сдѣлано въ угоду народу: народъ будто-бы требовалъ казни тѣхъ, кто возвысился при Димитріѣ; несмотря на всѣ просьбы бояръ, народъ будто бы былъ неумолимъ, и правительство по его указаніямъ отправило для вида въ ссылку Татищева, дьяка Аѳанасья Власьева и Афанасія и Никиту Годуновыхъ *). Извѣстіе это врядъ ли достовѣрно; дѣйствительно, взявъ власть въ свои руки, царь Василій и бояре разослали по разнымъ городамъ на воеводства лицъ близкихъ названному Димитрію: кн. М. В. Рубца-Мосальскаго въ Корелу, Мих. Гл. Салтыкова въ Орѣшекъ, Богд. Бѣльскаго въ Казань, Аѳ. Власьева въ Уфу **), но во-первыхъ, едва ли игралъ въ этомъ какую-нибудь роль народъ, а если бы это и было такъ, то врядъ ли онъ сталъ бы требовать ссылки того, кто самъ вмѣстѣ съ Шуйскимъ и Голицынымъ велъ его противъ самозваннаго царя. Гораздо ближе къ истинѣ думать вмѣстѣ съ Тимофеевымъ, что мстительный Шуйскій сосчитался съ Татищевымъ за прежнія обиды (сила старыхъ досажденій Татищева перевѣсила въ душѣ Шуйскаго содѣйствіе его воцаренію, какъ въ нѣкоторыхъ составахъ горечь превозмогаетъ примѣшанныя къ ней сладкія части, поясняетъ Тимофеевъ).

Когда же произошла ссылка Татищева? Авторы, дающіе намъ свѣденія о ней, не опредѣляютъ точно времени, но тутъ намъ можетъ притти на помощь дѣлопроизводство новгородской вотчинной конторы ***). Акты ея подобраны хронологически довольно правильно и каждый изъ нихъ въ началѣ называетъ чиновъ новгородской администраціи, при которыхъ или которыми онъ данъ. Изъ нихъ мы видимъ, что 19 сентября 1606 года въ Новгородѣ былъ воевода кн. Мих. Петр. Катыревъ-Ростовскій и съ нимъ дьякъ Ефимъ Телепневъ; слѣдующій документъ, относящійся къ 22-му ноября того же года даетъ намъ воеводу Мих. Игн. Татищева и дьякомъ при немъ того же Телепнева; слѣдовательно назначенный въ Новгородъ первымъ воеводою кн. Андрей Петр. Куракинъ еще туда не пріѣхалъ. Полный составъ новгородской администраціи за эту эпоху даетъ намъ документъ, относящійся къ

*) Масса и Геркманъ, изд. арх. Ком., стр. 232.

**) Платоновъ. Оч. по ист. см., стр. 304.

***) Новгородская вотчинная контора, учрежденіе XVIII в., сохранившее въ своихъ дѣлахъ почти все вотчинное дѣлопроизводство Новгорода предшествовавшихъ ей учрежденій XVI и XVII вв. Книги дѣлъ ея, начинающіяся съ эпохи ц. Іоанна IV (попадаются документы Іоанна III и его сына), количествомъ около 100 номеровъ съ № 1/765 и далѣе, хранятся въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи.

началу февраля 1607 года: ее составляли бояринъ кн. А. П. Куракинъ, окольничій М. И. Татищевъ и при нихъ дьяки Е. Телепневъ и И. Тимофеевъ, авторъ временника. Такимъ образомъ Татищевъ не зажился въ Москвѣ при новомъ царѣ; 1-го іюня 1606 г. Василій вѣнчался на царство, а 22 ноября мы видимъ Михаила Игнатьевича уже въ Новгородѣ.

Всѣ, какіе были, честолюбивые замыслы Татищева рушились. Изъ поступка съ нимъ онъ могъ ясно увидѣть, что отъ Шуйскаго ему болѣе ждать нечего, слѣдовало пожалуй благодарить Бога, что запись, данная Василіемъ при вступленіи своемъ на престолъ, не дозволила царю распорядиться съ нимъ хуже и отнять у него имущество. На все время царствованія Шуйскаго Татищевъ смѣло могъ считать свою карьеру законченной, естественно думать, что такая мало утѣшительная перспектива не могла поселить въ немъ особенно добрыхъ чувствъ къ царю. Тимофеевъ говоритъ, что Татищевъ всѣми мѣрами старался вернуться изъ ссылки въ Москву, но безуспѣшно. Онъ приписываетъ ему, не выдавая впрочемъ за положительный фактъ, а оговариваясь, что это только личное мнѣніе автора, даже намѣреніе низложить Шуйскаго въ той надеждѣ, что разъ онъ могъ его посадить на престолъ, то можетъ его и свергнуть; онъ даже замышлялъ поднять противъ Шуйскаго такое же возстаніе, какъ и противъ названнаго Димитрія *). Трудно за неимѣніемъ другихъ источниковъ согласиться или не согласиться съ Тимофеевымъ, слѣдуетъ только отмѣтить, что даже такой заклятый врагъ Татищева, какъ этотъ авторъ, не приписываетъ ему намѣренія присоединиться къ поднявшемуся уже тогда движенію противъ царя Василія подъ предводительствомъ Болотникова, въ октябрѣ того года подступившаго къ Москвѣ. Кромѣ того мы знаемъ, что едва только Василій успѣлъ вступить на престолъ, дѣйствительно было нѣсколько народныхъ вспышекъ, направленныхъ противъ него, 25-го мая, 15 іюня и 23 іюля, когда еще Татищевъ могъ быть въ Москвѣ, но на участіе его въ этихъ движеніяхъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, наоборотъ въ одномъ изъ нихъ были скомпрометированы Шереметевы, съ которыми онъ не могъ имѣть ничего общаго. Положительно мы знаемъ, что Татищевъ повиновался царскому повелѣнію, поѣхалъ въ Новгородъ и съ ноября 1606 года сидѣлъ тамъ спокойно 2 года до пріѣзда въ этотъ городъ Скопина-Шуйскаго.

Причины, вызвавшія пріѣздъ въ Новгородъ кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго достаточно извѣстны, чтобы стоило повторять

*) Рус. Ист. Биб. XIII. 392.

ихъ здѣсь. Отсылая интересующихся къ превосходному изслѣдованію проф. Платонова, на которое мы неоднократно ссылались, отмѣтимъ здѣсь лишь небольшую неточность одного приводимаго имъ извѣстія. Скопинъ пріѣхалъ въ Новгородъ не въ серединѣ 1608 года, какъ говоритъ почтенный изслѣдователь, а въ самомъ началѣ его между 14 февраля и 21 марта, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ же акты новгородскаго вотчиннаго и помѣстнаго производства, на которые мы уже ссылались и которые съ послѣдняго числа на ряду съ именами воеводъ начинаютъ упоминать и его имя, ставя его выше перваго воеводы кн. Куракина, что по нашему мнѣнію указываетъ, что онъ взялъ въ свои руки управленіе городомъ и его уѣздомъ. Вышеприведенная дата даетъ также указаніе, что Скопинъ потратилъ на сборъ ратныхъ людей и на полученіе иноземной помощи не около полугода, а безъ малаго цѣлый годъ. Вмѣстѣ съ Скопинымъ пріѣхалъ въ Новгородъ и его шуринъ Сем. Вас. Головинъ.

Къ этому времени все московское государство, за исключеніемъ Пскова, Новгорода, дальняго сѣвера и востока было уже охвачено возстаніемъ; 1 сентября 1608 года отпалъ къ мятежу и Псковъ. Надо думать, что это важное событіе сильно отозвалось въ Новгородѣ; по крайней мѣрѣ 8 сентября кн. Скопинъ, Татищевъ и дьякъ Телепневъ съ небольшимъ отрядомъ боярскихъ дѣтей и ратныхъ людей бѣжали изъ Новгорода, захвативъ съ собою значительную часть новгородской казны. Въ городѣ остались митрополитъ Исидоръ, кн. Куракинъ и дьякъ Тимофеевъ.

Бѣгство было обставлено такой тайной, что бѣглецы вышли изъ города не воротами, а гдѣ-то черезъ мельничную плотину. Отойдя отъ города версты три, они нѣсколько опомнились и подумали о положеніи, въ какое стали передъ оставшимися въ Новгородѣ товарищами и передъ всѣмъ Новгородомъ. Чтобы хоть какъ нибудь прилично прикрыть свое бѣгство, они съ мѣста остановки вызвали къ себѣ кн. Куракина и Тимофеева и объявили имъ о полученномъ будто бы письмѣ, по мнѣнію проф. Платонова изъ Выборга отъ Головина, о необходимости поспѣшить съ наймомъ шведовъ, это то обстоятельство и заставляетъ ихъ отправиться къ шведской границѣ. Куракину и Тимофееву они поручили оставаться въ городѣ и извѣстить о причинѣ ихъ отъѣзда митрополита и чиновъ самоуправленія. Иниціативу бѣгства Тимофеевъ цѣликомъ приписываетъ Татищеву, который, по его живописному выраженію, схватилъ Скопина, какъ волкъ агнца, и отнесъ въ дебри. Вмѣстѣ съ Татищевымъ дѣйствовалъ будто бы въ томъ же направленіи и дьякъ Телепневъ; по ходу разсказа Тимо-

феева помимо его воли получается впечатлѣніе, будто Телепневъ, получивъ какія-то тревожныя извѣстія о настроеніи новгородцевъ, передалъ ихъ Татищеву, а тотъ Скопину; извѣстія эти состояли, кажется, въ томъ, что воеводъ хотятъ или перебить или связанными отвезти въ Псковъ. По своему времени оно было достаточно правдоподобно и нѣтъ ничего удивительнаго, что встрѣтило полное довѣріе со стороны Татищева и Скопина.

Бѣглецы направились въ Ивангородъ, но на пути узнали, что этотъ городъ уже передался Вору. Въ страхѣ они чуть не ушли за рубежъ, но рѣшили попробовать пойти къ Орѣшку. Здѣсь по свидѣтельству Тимофеева воевода принялъ ихъ весьма сурово, хотѣлъ было ихъ отправить въ оковахъ въ Москву, но не сдѣлалъ этого только по просьбѣ Татищева. По извѣстію Никоновской лѣтописи, болѣе, кажется, согласному съ истиной, Орѣшекъ, воеводой въ которомъ былъ Мих. Гл. Салтыковъ, совсѣмъ не принялъ бѣглецовъ, и воевода „великую пакость имъ дѣяше“, кромѣ того, двое дѣтей боярскихъ Андрей Колычевъ и Нелюбъ Огаревъ бѣжали отъ нихъ въ Орѣшекъ, нѣсколько дѣтей же боярскихъ изъ бывшихъ съ ними вернулись въ Новгородъ, захвативъ съ собою увезенную оттуда казну.

Положеніе получилось глупое: Скопинъ и Татищевъ переходили съ мѣста на мѣсто, не находя нигдѣ себѣ пристанища и боясь подходить къ мѣстамъ, охваченнымъ возстаніемъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ ихъ уходъ произвелъ цѣлое смятеніе. Городъ взволновался, понявъ, что воеводы просто сбѣжали, прикрываясь только какимъ то нужнымъ дѣломъ. Одни стали требовать погони за бѣглецами, чтобы просто схватить ихъ, другіе, къ которымъ принадлежали представители выборнаго самоуправленія, болѣе лойяльно предлагали отправить за ними особыхъ посланныхъ съ просьбой вернуться. Послѣднее мнѣніе мало-по-малу возобладало, рѣшили отправить къ бѣжавшимъ грамоты отъ митрополита и отъ оставшейся въ городѣ администраціи съ просьбой вернуться и съ увѣреніемъ въ непоколебимой вѣрности новгородцевъ ц. Василію. Порученіе это было возложено на духовныхъ властей и пятиконецкихъ старостъ, но снаряженное посольство не знало куда итти искать безъ вѣсти пропавшихъ воеводъ. Наконецъ пріѣхалъ въ городъ ушедшій съ воеводами сынъ боярскій Аѳанасій Бурцовъ и сообщилъ, что оставилъ Скопина и Татищева на дорогѣ къ Ивангороду. Немедленно уполномоченные отправились по ихъ слѣдамъ, нашли бѣглецовъ гдѣ-то около Орѣшка и упросили ихъ вернуться *).

*) Рус. Ист. Библ. XIII. 420—425; И. Г. Р. XII пр. 367.

Конечно, обратный въѣздъ въ Новгородъ Скопина нисколько не былъ похожъ на тріумфальное шествіе, и онъ долженъ былъ живо чувствовать это и необходимость реабилитировать себя въ глазахъ народа. Легче всего это можно было сдѣлать, сваливъ всю вину, оказавшагося теперь ненужнымъ, бѣгства на Татищева. Конечно, Скопинъ не преминулъ схватиться за этотъ выходъ, мы не думаемъ, однако, что это обстоятельство создало для Татищева невозможное положеніе между нимъ и Скопинымъ съ одной стороны и между нимъ и народомъ съ другой. Положеніе, пожалуй, получилось двусмысленное, но не такое изъ котораго можно было выйти только измѣной Шуйскому. Какъ воевода, Татищевъ не былъ обязанъ никакимъ отвѣтомъ за свои дѣйствія передъ ввѣреннымъ ему городомъ, а Скопинъ свободно могъ его слушать и не слушать и въ этомъ, можетъ быть, даже и не тактичномъ, бѣгствѣ былъ виноватъ не менѣе Татищева, и самъ долженъ былъ сознавать это, но ему нужно было возстановить себя въ глазахъ народа, и онъ не призадумался для этого принести въ жертву Татищева.

Въ то время, когда въ Новгородѣ снаряжали посольство къ сбѣжавшимъ воеводамъ, Скопинъ и Татищевъ, видя свое совершенно безвыходное положеніе, рѣшили попробовать снестись съ Новгородомъ, чтобы испытать его настроеніе и узнать, можно ли вернуться туда съ честью. Съ этой цѣлью они написали туда грамоту, адресованную ко всему Новгороду, написанную „яко къ рабомъ съ гордостью“, въ которой, не называя своего отъѣзда его настоящимъ именемъ—бѣгствомъ, усердно оправдывали его необходимостью и хвалились принятыми во время своего путешествія трудами. Посланный съ этой грамотой встрѣтилъ по дорогѣ новгородскихъ уполномоченныхъ и передалъ ее имъ. Тѣ прочли, повѣрили или нѣтъ—другой вопросъ, но ободренные ею двинулись навстрѣчу къ воеводамъ и, какъ было уже сказано выше, торжественно просили ихъ вернуться. Въ Новгородъ Скопинъ и Татищевъ вернулись уже не черезъ плотину, но другой дорогой по Волхову на судахъ; высадившись на берегъ, они прямо направились въ храмъ св. Софіи, гдѣ были встрѣчены митрополитомъ, чинами администраціи и народомъ. Татищевъ сказалъ рѣчь встрѣчавшимъ ихъ: въ ней этотъ „гордоустецъ“ еще разъ пояснилъ причину отъѣзда, указалъ на заслуги воеводъ, поднявшихъ такіе труды на пользу Новгорода и „великимъ жерломъ, видя... слабыхъ и страшнивыхъ кричаньми своими увѣща“*). „И не наш-

*) Рус. Ист. Биб. XIII. 426, 427.

лось сильнаго во Израили, съ негодованіемъ замѣчаетъ Тимофеевъ, чтобы обличить ихъ неправду", благоразумно не поясняя, почему онъ самъ, находясь тутъ же, не выступилъ въ этой благодарной роли.

Событія скоро пришли на помощь Скопину. Въ Новгородѣ было получено извѣстіе, что къ нему двигается изъ Тушина полковникъ Кернозицкій съ отрядомъ, состоящимъ изъ поляковъ и русскихъ воровъ. Скопинъ началъ принимать мѣры къ оборонѣ и предполагалъ послать противъ Кернозицкаго отрядъ къ Бронницамъ на московскую дорогу; Татищевъ, желавшій, вѣроятно, загладить свое бѣгство, началъ просить Скопина вручить ему командованіе отрядомъ. Въ это время, кажется, дьякъ Телепневъ явился къ Скопину и сообщилъ ему, что Татищевъ идетъ, чтобы измѣнить ц. Василью; и чуть ли и не научилъ Скопина, какъ съ нимъ расправиться. Мы не знаемъ, какія доказательства правоты своихъ словъ представилъ Телепневъ, только Скопинъ не нарядилъ ни слѣдствія, ни суда, а распорядился даже съ точки зрѣнія современниковъ странно. Онъ собралъ ратныхъ людей и объявилъ имъ, въ чемъ обвиняется Татищевъ; тѣ по разсказу лѣтописи кинулись съ крикомъ на находившагося тутъ же воеводу и убили его. Тимофеевъ говоритъ что его изрубили или разорвали въ куски, а останки бросили въ воду, но тутъ же добавляетъ извѣстіе, заставляющее усомниться въ томъ, что убійство произошло такъ внезапно и стихійно, что его нельзя было предотвратить:—именно Скопинъ сдѣлалъ Татищеву „послабленіе"—далъ ему время исповѣдаться и пріобщиться Св. Таинъ! Изъ этого уже ясно видно заранѣе обдуманное намѣреніе Скопина. Трупъ Татищева былъ извлеченъ изъ воды и преданъ землѣ въ Антоніевѣ монастырѣ. Вѣрный своему обыкновенію сваливать все на другихъ, Скопинъ, возвращаясь домой съ мѣста убійства, объявилъ окружавшимъ его, что главнымъ совѣтникомъ и зачинщикомъ убійства былъ не онъ, а дьякъ Телепневъ.

Другимъ доказательствомъ того, что Татищевъ заранѣе, безъ суда былъ уже осужденъ Скопинымъ на смерть, служитъ то обстоятельство, что все его движимое имущество, находившееся въ Новгородѣ и даже въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто того, чтобы быть отдано наслѣдникамъ, было описано и частью продано, частью расхищено Скопинымъ и его шуриномъ Головинымъ, описано и продано было и имущество его брата Владиміра Игнатьевича Татищева. Опись эта напечатана въ X книгѣ Временника общества исторіи и древностей россійскихъ и представляетъ значительный интересъ по своему содержанію. Движимость Татищева была очень богата, особенно оружіе, серебряная посуда и конюшня; въ его

библіотекѣ были Шестодневъ, Трефолой и Космографія; одежда его была унизана жемчугомъ и залита серебромъ и золотомъ; изъ всего этого и изъ конюшни покойнаго Скопинъ широко позаимствовался: себѣ лично онъ взялъ вещей и лошадей больше чѣмъ на 150 руб., не считая серебряной посуды, которую онъ оцѣнивать не велѣлъ; своему шурину Головину онъ позволилъ взять имущества почти на 160 руб., суммы все по тому времени не малыя, и кромѣ того дѣлалъ подарки изъ того же источника ладожскому воеводѣ Ив. Ржевскому и командиру шведскаго отряда де-ла-Гарди.

Вопросъ, виноватъ или нѣтъ Татищевъ въ взведенномъ на него обвиненіи, занималъ всѣхъ писателей, интересовавшихся этой эпохой. Карамзинъ говоритъ просто, что Татищевъ едва ли виновенъ [1]), Соловьевъ оправдываетъ его отъ этого подозрѣнія [2]), Костомаровъ безусловно отвергаетъ обвиненіе и блестяще защищаетъ Татищева: „если въ этомъ обстоятельствѣ, говоритъ онъ, оправдать совершенно Скопина, то надобно допустить, что Татищевъ дѣйствительно былъ измѣнникъ. Однако, какъ-то странно допустить это въ такомъ человѣкѣ, который отличался самою яростною ненавистью ко всему иноземному, доходившею до тупого фанатизма, который отважился перечить названному Димитрію, когда все передъ послѣднимъ склонялось, и тѣмъ доказывалъ, что не принадлежитъ къ себялюбцамъ, готовымъ изъ своекорыстныхъ видовъ продавать себя всякой сторонѣ, который, кромѣ того, давно служилъ государству вѣрно и дѣятельно... насколько онъ намъ извѣстенъ—ничто не внушаетъ подозрѣнія въ способности его измѣнить отечеству для второго самозванца, когда онъ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, уничтожившихъ перваго“ [3]). Особнякомъ стоитъ мнѣніе проф. Иконникова, который будучи апологетомъ кн. М. В. Скопина, старается доказать цѣлесообразность всѣхъ его поступковъ и пытается доказать фактъ измѣны различными соображеніями [4]); проф. Платоновъ, безусловно довѣряясь Тимофееву, видитъ измѣну Татищева не государству, а династіи [5]), но Тимофеевъ, какъ было указано выше, самъ не выдаетъ этого за положительный фактъ.

По нашему мнѣнію обвиненіе Татищева въ измѣнѣ прихо-

---

[1]) И. Г. Р. XII. 90.

[2]) Ист. Рос. II. 884.

[3]) Костомаровъ. Личности см. вр. В. Е. 1871 г. VI стр. 501. См. также смутн. вр. моск. гос. II. 172.

[4]) Др. и Нов. Рос. 1875 г. II. 28—32.

[5]) Оч. по ист. см., стр. 389.

дится категорически отвергнуть: какими путями могъ бы онъ низложить Шуйскаго? Въ Тушино онъ отправиться не могъ, тамъ слишкомъ хорошо была извѣстна его роль въ дѣлѣ сверженія названнаго Димитрія, могъ ли онъ, всегда съ такой энергіей нападавшій въ своей дипломатической дѣятельности на Польшу, итти сражаться рядомъ съ ея худшими представителями. Если же не въ Тушино хотѣлъ уйти изъ Новгорода Татищевъ, то куда же? Въ Москву,—но могъ ли разсчитывать остаться тамъ хоть на недолгій срокъ ослушникъ государевой воли, самовольно покинувшій ввѣренный ему постъ. Въ Москвѣ ждала его, если не плаха, то во всякомъ случаѣ отдаленная ссылка. И къ кому въ Москвѣ могъ разсчитывать онъ пристать противъ Шуйскаго, а о самостоятельной дѣятельности онъ не могъ и думать, для этого нужно было быть Голицынымъ или Шереметевымъ или Романовымъ, чтобы вокругъ своего имени собрать партію. За Ляпуновымъ стояли рязанскія дѣти боярскія, на кого могъ опираться Татищевъ?

Гр. С. Д. Шереметевъ въ письмѣ своемъ къ покойному К. Н. Бестужеву-Рюмину замѣтилъ, что Скопинъ какъ бы мстилъ Татищеву*). Да, несомнѣнно мстилъ. И мотивовъ этой мести искать далеко не слѣдуетъ, онъ мстилъ ему за глупое и смѣшное положеніе передъ новгородцами, въ которое попалъ онъ вольно или невольно благодаря Татищеву. Не даромъ Тимофеевъ, описывая бѣгство и впечатлѣніе, произведенное имъ въ Новгородѣ, постоянно говоритъ о стыдѣ и срамѣ; ратные люди, оставившіе Скопина и Татищева въ блужданіи подъ Орѣшкомъ, со смѣхомъ разсказывали о нихъ, вернувшись въ Новгородъ**). Все это больно должно было раздражать молодое самолюбіе Скопина, успѣвшее уже привыкнуть къ славѣ и популярности, и привело къ печальной развязкѣ при первомъ же столкновеніи его съ Татищевымъ.

Заслуги Скопина передъ Россіей велики и безспорны, благодаря имъ личность его получила нѣкоторую идеализацію въ литературныхъ памятникахъ того времени и послѣдующаго. Признавая ихъ и преклоняясь передъ ними, мы не будемъ закрывать глазъ и на темныя пятна его дѣятельности, а такимъ пятномъ на его памяти всегда останется смерть Татищева, тѣмъ болѣе, что ее нельзя оправдать ни государственною, никакою другою необходимостью.

Ю. В. Татищевъ.

---

*) Письма К. Н. Бест.-Рюм., стр. 8.

**) Рус. Ист. Библ, XIII. 420, 423.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Z 5/VIII 932